

ФЭННИ
ФЛЭГГ

ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ
В МИР,
МАЛЫШКА!



ФЭННИ ФЛЭГГ

**Добро пожаловать
в мир, Малышка!**

«Фантом Пресс»

1998

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Флэгг Ф.

Добро пожаловать в мир, Малышка! / Ф. Флэгг — «Фантом
Пресс», 1998

Жила-была в крошечном уютном городке Элмвуд-Спрингс маленькая очаровательная девочка, которую все звали Малышкой. Но однажды Малышке вместе с мамой пришлось срочно уехать из города, и причины их бегства так и остались неизвестны. Спустя почти тридцать лет красавица и умница Дена делает стремительную карьеру на телевидении, еще немного – и она станет женским лицом всего американского ТВ. Блестящая карьера, оглушительный успех, однако трагические тайны прошлого по-прежнему не дают покоя испуганной девочке по прозвищу Малышка. «Добро пожаловать в мир, Малышка!» – самый известный и самый любимый читателями роман Фэнни Флэгг. Его успех превзошел даже успех знаменитых «Жареных зеленых помидоров». В Америке его назвали лучшей книгой года, и именно роман «Добро пожаловать в мир, Малышка!» упрочил репутацию Фэнни Флэгг как продолжательницы традиций классической американской литературы.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

© Флэгг Ф., 1998
© Фантом Пресс, 1998

Содержание

Пролог	6
Программа «У соседки Дороти»	8
Книга первая	14
Новости	14
Похмелье	18
Тетя Элнер	21
Что-что я сделала?	23
Поездка в Сибирь	27
Сувенир	29
Как она туда попала	31
Хороший человек	39
Поверьте мне	41
Перемена	47
Вопрос для Мэкки	49
Дилемма для Дены	52
Шанс	57
Власть как игра	61
Мой герой	64
Давайте пообедаем	67
Вызывает Сельма	71
Прежние деньки	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

ФЭННИ ФЛЭГГ

Добро пожаловать в мир, Малышка!

WELCOME TO THE WORLD, BABY GIRL by FANNIE FLAGG

Copyright © 1998 by Fannie Flagg

Книга издана при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© 1998 by Fannie Flagg,

© Дина Крупская, перевод, 2010,

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2018

* * *

Сэму и Джо Воган с любовью

«...Бедные маленькие человеческие создания – они оказались втянуты в этот мир, не имея представления, откуда взялись, что должны делать и долго ли им придется этим заниматься. И чем это все закончится. Но большинство из них, слава богу, каждое утро просыпаются и стараются найти во всем этом какой-то смысл. Просто невозможно не любить их, правда? Удивляет меня только, как они умудряются не все свихнуться».

Тетя Элнер, 1978

Пролог

Элмвуд-Спрингс, штат Миссури
1948

В конце сороковых годов Элмвуд-Спрингс, расположенный на юге штата Миссури, ничем примечательным не выделяется среди тысяч маленьких городков, разбросанных по Америке.

Центр города состоит из улицы длиной в квартал, с аптекой «Рексалл» в одном ее конце и Масонской ложей Элмвуд-Спрингс в другом. Давайте прогуляемся от Масонской ложи к аптеке – мимо химчистки «Голубая лента», обувной мастерской «Кошачья лапка» с розовым неоновым ботинком в окне, универмага братьев Морган, мимо банка и узенького проулка с лестницей в торце здания, ведущей на второй этаж, где находится школа танцев и чечетки Дикси Кэхила. Если на дворе субботнее утро, то вы услышите громкий стук каблуков и жезлов труппы «Топотушки», состоящей из юных красавиц Элмвуд-Спрингс, по крайней мере, родители считают их красавицами. За проулком – столовая для водителей трамваев, где за пятнадцать центов можно заказать вкуснейшую в мире сосиску с соусом «чили» и апельсиновый напиток. Сразу за столовой кинотеатр «Новая императрица», по субботам возле него толпятся ребяташки в ожидании дневного сеанса, на котором покажут вестерн, мультфильмы и очередную серию «Бака Роджерса». Затем парикмахерская... и все – на углу уже аптека «Рексалл». Пройдемся теперь по другой стороне улицы. Вот Первая Методистская церковь, а вот «Шведская выпечка и закуски Нордстромов», витрину которой до сих пор украшает золотая звезда в честь их сына-солдата. Дальше – «Чайный дом» мисс Элмы, фотостудия Хэйгуда, «Вестерн Юнион», почта, телеграф и цветочная лавка Виктора. Узкая лесенка ведет в «безболезненный» зубоврачебный кабинет доктора Орра. В следующем доме скобяная лавка «Уоррен и сын». Сын – это восемнадцатилетний Мэкки Уоррен, он собирается жениться на своей подружке Норме и страшно по этому поводу нервничает. На углу находится «Союз ветеранов иностранных войн» (ВИВ).

В Элмвуд-Спрингс царят добрососедские отношения и почти всякий прохожий непременно поговорит с Пробкой, белой кошкой с черным пятнышком, которая дремлет в окне обувной мастерской. Есть тут и городской пьяница – Джеймс Хутен, бывшую жену которого, страдалицу Тот Хутен, прозвали Бедняжка Тот. Несмотря на то что она вышла замуж повторно, на сей раз за трезвенника, и выглядит совершенно счастливой, ее продолжают звать Бедняжкой Тот. Чисто по привычке.

Места здесь предостаточно, садоводам раздолье, и во дворе всегда найдется работа. Если вы приболели, чей-нибудь сын или муж зайдет и наведет вам в огороде красоту. Кладбище ухоженное, и в День памяти ВИВ украшает могилы ветеранов флагами. В городке три церкви – Лютеранская, Методистская и Единая¹, они часто устраивают пикники с распродажей выпечки и собирают уйму народу. Почти все жители приходят на выпускной вечер и ежегодное выступление учащихся школы танцев Дикси Кэхила. Это самый обычный городок, и чуть ли не в каждой гостиной вы найдете по крайней мере одну пару покрашенных бронзовой краской детских ботиночек и фотографию ребенка, сидящего верхом на том же пегом индийском пони, что и ребенок соседей. Богачей тут сроду не водилось, но, несмотря на это, Элмвуд-Спрингс – уважающий себя город. Об этом можно судить по безупречно выкрашенным стенам домов и белоснежным занавескам на окнах. Трамвай, идущий к озеру Элмвуд, блестит как новенький яркими красно-желтыми боками, а сиденья его так отполированы, что с трудом усидишь. Большинство горожан довольны жизнью. Это видно по конфетти на тротуаре перед входом в кинотеатр, по тому, как подмигивает тебе новый кинопрожектор. Это видно по сытым кошкам

¹ Единая христианская церковь. – Здесь и далее примеч. перев.

и собакам, бесцельно слоняющимся по улицам, а если вы слепы, то об этом говорит смех со школьного двора и мягкий глухой удар газеты, падающей утром на каждое крыльцо.

Но лучше всего о городе – любом городе – можно судить, прислушавшись к нему среди ночи... Далеко за полночь... После того, как в последний раз стукнут все двери, погаснут последние огни, убаюкан последний ребенок. Стоит прислушаться – и услышишь, как все, даже куры – самые нервные существа на земле, глубоко и крепко спят.

Элмвуд-Спрингс, штат Миссури, далеко не идеален, но для маленького городка он настолько близок к идеалу, насколько можно утверждать это, не впадая в излишнюю сентиментальность и не выдумывая небылиц.

Программа «У соседки Дороти»

Элмвуд-Спрингс, штат Миссури

1 июня 1948

В Элмвуд-Спрингс и окрестностях каждый помнит день, когда на заднем дворе Соседки Дороти поставили радиомачту, и как все радовались, когда вечером впервые увидели яркий красный огонек на верхушке мачты, сверкающий, точно путеводная звезда в черном небе Миссури. Поскольку земля в этом районе абсолютно плоская – ни холмика, огонек был виден на многие мили вокруг, и даже годы спустя при воспоминании о нем становится спокойно и радостно. Каким-то образом он давал ощущение общности.

Живи вы там, то с 9.30 до 10.00 утра, коли с вами, не дай бог, не стряслось чего-то из ряда вон выходящего, вы, вероятнее всего, будете слушать радиопрограмму «У Соседки Дороти», как и все прочие жители города, за исключением старика Хендерсона, по сию пору убежденного, что радио – глупое изобретение для глупцов. Обе школы, и младшая, и старшая, делают большую перемену между 9.30 и 10.00, дабы преподавательский состав мог послушать «У Соседки Дороти» в учительской. Фермерские женушки прерывают все свои занятия и устраиваются за кухонным столом с блокнотом и карандашом наготове. В те дни Дороти Смит была одной из самых популярных на Среднем Западе радиоведущих, вещающих из собственного дома, и если она диктовала рецепт кекса с кленовым сиропом, то по всей округе вечером лакомились им на десерт.

Программа транслировалась из ее гостиной в прямом эфире каждый день, с понедельника по пятницу, на радиостанции УДОТ на частоте 66. Никто не хотел пропустить передачу. Дороти не только давала советы по хозяйству и анонсировала грядущие события, но и приглашала гостей, всякий раз непредсказуемо разных. Гости передачи заходили поговорить, или спеть, или станцевать чечетку и вообще делали все, что хотели. Миссис Мэри Херт однажды даже сыграла на ложках, а Мама Смит исполняла органные интерлюдии. Хватало и прочих постоянных гостей, чьи выступления невозможно было пропустить: медсестра Руби Робинсон с медицинскими советами; Беатрис Вудс, слепая певчая птичка, которая аккомпанировала себе на цитре; ансамбль с колокольчиками из Первой Методистской церкви. Преподобный Одри Дункан частенько заскакивал, чтобы зарядить слушателей вдохновенной речью или вдохновенным стихотворением. В прошлом году выступила группа «Лайт краст давбойз»² со своим хитом «Привяжи меня снова к своему переднику, мама», а также Соседку Дороти порадовал визитом оркестр «Хавайян Фрут Гам»³ из самого Янктона, штат Южная Дакота. Не говоря уже о двух местных девушках, Аде и Бесс Гуднайт, которые споют вам с удовольствием, только попроси. А уж новости в программе были всегда, причем в основном хорошие.

В 1948 году Соседка Дороти была пухленькой миловидной женщиной с большим открытым лицом маленькой девочки. В свои сорок с хвостиком она выглядела почти так же, как в первом классе, когда с ней познакомился ее муж, ныне Док Смит, фармацевт в аптеке «Рексалл». После школы Дороти окончила Школу домоводства Фэнни Мерит в Бостоне, вернулась домой, вышла замуж за Дока и работала учительницей, пока не родила первого ребенка, Анну Ли. У Анны Ли были небольшие проблемы со здоровьем, ничего серьезного, всего лишь легкая астма, но этого оказалось достаточно, чтобы Дороти решила, что лучше ей сидеть дома с дочерью, и Док с ней согласился. Дома ей надо было чем-то заняться, и она начала печь пироги. Все больше и больше пирогов. Кексы к чаю, лимонные, банановые, с карамелью, вишней, шоколадом, кленовым сиропом, булочки с джемом... Чего ни закажи – все испечет. Но

² Если попытаться перевести название, то получится примерно вот что: «Проворные, дерзкие, бесстрашные ребята».

³ В переводе – Оркестр гавайской фруктовой жвачки.

больше всего любила она стряпать тематические пироги. Дашь ей тему – будет тебе подходящий пирог. Нет, разумеется, она умела готовить и обычные блюда, но прославилась именно пирогами. В Элмвуд-Спрингс, да и во всей округе не нашлось бы ребенка, не получившего на свой день рождения розовый с белым верхом кекс в форме цирка, с каруселькой на верхушке. Вот так она и очутилась в концертном зале «Мейфер» в Поплар-Блаф на День демонстрации достижений домашнего хозяйства, где во всеуслышание продиктовала рецепт своего циркового кекса. Дороти обмолвилась, что все свои пироги печет из муки «Голден флейк», и вдруг на следующий день в четырех штатах удвоилась продажа «Голден флейк». Ей предложили вести собственную программу. Она сказала представителям «Голден флейк» спасибо, но отказалась ездить каждый день по двадцать с лишним миль в Поплар-Блаф и обратно. Вот так и появилась у нее на заднем дворе радиомачта, а ее младший, Бобби, вырос, считайте, на радио. Ему было всего два года, когда Соседка Дороти впервые вышла в эфир, но случилось это более десяти лет назад, и он не помнит своего дома без радиотрансляций.

Когда Дороти спросила Дока, что он думает по поводу этой идеи, тот расхохотался: «Почему бы тебе не болтать в эфире, ты все равно целыми днями занимаешься этим по телефону». Что было если не совсем правдой, то очень близко к правде. Поговорить Дороти любила. Хотя мощность радиостанции УДОТ всего 200 ватт, из-за ровного, без холмов, ландшафта в ясный морозный день – самую подходящую для вещания погоду – сигнал ловился по всему Среднему Западу, аж до самой Канады, а однажды в сильный мороз его поймали несколько кораблей в океане. Нельзя сказать, что передачи Дороти отличались какой-то особенной мудростью или, скажем, изысканностью, но одно можно утверждать наверняка: за эти годы она продала тонны муки «Голден флейк» и блинной смеси «Пенкейк микс» благодаря своей рекламе.

Дом Соседки Дороти стоит на левой стороне Первой Северной авеню, адрес на нем написан большими черными буквами – чтобы уж наверняка не пропустить. Это последний дом, угловой, с верандой по всему периметру и парадным крыльцом на два крыла, одна лестница с одной стороны, другая с другой. Вокруг дома над верандой бело-зеленый навес.

Если вы подниметесь на крыльцо и поглядите направо, то увидите в окне маленькие черные с золотом буквы: РАДИОСТАНЦИЯ УДОТ, ЧАСТОТА 66. В остальном же, не считая, конечно, надписи в окне и радиомачты во дворе, дом похож на все прочие. В какое бы время дня вы ни подошли к крыльцу, дверь будет открыта. Что толку ее закрывать. Все равно бесконечные хождения. Молочник, булочник, мороженщик, газовщик, ее двенадцатилетний сын Бобби снует туда-сюда по сто раз на дню и, конечно же, гости программы. Эти битком набиваются в гостиную, и всегда их ждет угощение – радиопеченье, которое специально печется для них каждый божий день. Войдя, справа вы видите огромную комнату, на столе микрофон с надписью УДОТ. Стол прямо напротив окна, чтобы Дороти могла в любой момент глянуть на улицу и сообщить, какая там нынче погода. Орган Мамы Смит – слева, а еще в гостиной с десяток стульев, чтобы люди могли зайти и посидеть, если захотят. Дом Соседки Дороти расположен на том углу, где останавливается автобус до Грейхаунда, так что людям нравится в ожидании автобуса заглянуть к ней, посмотреть, как она ведет программу, или просто посидеть на веранде, особенно в дождь. Полы в доме из темного дерева, кое-где Соседка Дороти постелила пестрые половички. Занавески зелено-желто-розовые, нарисовано на них что-то вроде пальмовых зарослей, да скорее всего, это пальмы и есть. Недавно на окнах появились жалюзи – рождественский подарок Дока.

В столовой красивая медная люстра, на люстре четыре матовых абажура с пасторальными пейзажами, и прелестная кружевная занавеска на эркерном окне, и нарядная белая скатерть на столе. И тем не менее обычно все едят в кухне. Там большой белый деревянный стол в центре, над ним свисают с потолка белые плафоны. Плита белая, эмаль с хромом, фирмы «О'Киф & Меррит», с часами и красно-белыми солонкой и перечницей в том же стиле. Еще раковина и

сушилка с цветочным орнаментом по краю плюс большой холодильник «Келвинатор». Стены обиты светло-зелеными деревянными панелями. Из кухни выход на большую веранду, затянутую москитной сеткой, там летом спит Бобби.

С другой стороны веранды стоят миниатюрные столы со стульями, там все дети города празднуют свои дни рождения, а летом Анна Ли с подругой устраивают детский сад, чтобы заработать лишних денег на новые наряды. В левой части дома – спальня Анны Ли. Это комната семнадцатилетней девушки: кровать с белым балдахином, туалетный столик с зеркалом и кукла Кьюпи в фате с блестками и пером на голове, сидящая на комод. Еще есть солнечная комната, где Соседка Дороти и Мама Смит занимаются шитьем, а Анна Ли хранит свои альбомы с вырезками Дэны Эндрюса⁴, в которого в этом году влюблена. Из холла двери еще в три спальни: Дока, Соседки Дороти и Мамы Смит, а у Бобби комната в конце коридора. Кроме того, в доме живет Принцесса Мэри Маргарет, которая бегаёт по всем комнатам, и вообще ей все дозволено. Это десятилетний кокер-спаниель, подарок Дока Соседке Дороти в первый год ее выхода в эфир. Имя собаке придумывали, устроив конкурс «Назови щенка», все радиослушатели прислали свои варианты, и победителем стало имя Принцесса Мэри Маргарет. Имя хорошее, и не только потому, что в Англии есть принцесса Маргарет, собственная маленькая принцесса есть и в Миссури – Маргарет Труман, дочь родившегося в штате Миссури президента Гарри С. Трумана и его жены Бесс. В 1948 году Принцесса Мэри Маргарет была очень и очень популярна. Баловала ее не одна Соседка Дороти, а все радиослушатели. У нее был собственный фан-клуб – Клуб Принцессы Мэри Маргарет, перечислявший все денежные взносы Обществу спасения. На день рождения Принцесса Мэри Маргарет получала открытки от Лессы из Голливуда и других известных личностей.

Есть в доме еще парочка жильцов – Клецка и Мо, желтые канарейки Смитов. Их белая клетка висит в гостиной, и бодрое цвирканье не смолкает все время эфира. Двор Соседки Дороти, как уже говорилось, почти не отличается от других, не считая радиомачты. Он тянется до самых железнодорожных путей, за которыми начинаются кукурузные поля. Заборов никто здесь не ставил, и весь город, можно сказать, имеет большой общий задний двор – один переходит в другой. Единственная разница между домом Соседки Дороти и другими домами заключается в бельевой веревке, что протянута от ее двери черного хода к соседской. Беатрис Вудс, слепая певчая птичка, – вот кто живет в соседнем доме. К Соседке Дороти и обратно она ходит, держась за веревку. Итак, не считая черных с золотой окантовкой букв УДОТ на окне, органа в гостиной, радиомачты во дворе, не считая того, что крыльцо превратилось в остановку автобуса, следующего в Грейхаунд, а веранда – в детский сад, и того, что обитающая здесь собачка каждый год получает личную рождественскую открытку от президента Соединенных Штатов, дом этот – вполне обыкновенный.

И день сегодня вполне обыкновенный. Ровно в девять тридцать все услышали то же, что последние десять лет слушают по будням каждое утро. Диктор главной станции выходит в эфир и говорит: «А теперь... Мука “Голден флейк” – легкая как перышко мука в красно-белом пакете – и блинная смесь “Пенкейк микс” перенесут вас к белому дому на углу, где бы вы ни находились... И вот мы в гостях у моей и вашей соседки, леди с улыбающимся голосом, Соседки Дороти, а за органом – Мама Смит!»

В ту минуту, когда они дают сигнал начала эфира, Мама Смит берет аккорд и начинает программу с вдохновенного исполнения песни «На солнечной стороне улицы»⁵. И вот Соседка Дороти как всегда мило приветствует радиослушателей:

– Всем доброе утро. Как поживаете? Надеюсь, хорошо. У нас в Элмвуд-Спрингс чудесная погода, надеюсь, у вас она также хороша, где бы вы ни были. У нас сегодня столько волнующих

⁴ Карвер Дэна Эндрюс (1909–1992) – американский актер.

⁵ Песня музыканта Джимми Мак-Хью, написана в 1930 г.

новостей! Так что сядьте поудобнее, положите ноги повыше и попейте вместе со мной кофейку, договорились? Ох... Жаль, вы не видите Маму Смит. Она сегодня да того нарядная, до того раскрасавица! Куда это вы собрались, Мама Смит? А-а, она говорит, что собирается в город, в «Чайный дом» мисс Элмы, на званый завтрак для пенсионеров. Мы все любим мисс Элму, правда? Да, все до единого.

Нам предстоит прочитать сегодня уйму писем и записать два рецепта, вы их давно просили, один – торт леди Балтимор, другой – торт для малыша Балтимора, так что приготовьте карандаши и блокноты, а потом Беатрис, слепая певчая птичка, споет нам... Какая у тебя песня, дорогуша? Ага... Она говорит, что поет «Когда в долине окна загораются». М-м, заманчиво звучит.

Еще у нас тут победительница конкурса «Как я познакомилась с моим мужем». Но прежде всего хочу начать утро с хорошей новости для всех, кто вчера присутствовал на девичнике у Нормы. Все ужасно разволновались, когда свадебный торт был съеден до последнего кусочка, а счастливая монетка так никому и не попала, но мама Нормы, Ида, сегодня позвонила и сообщила, что монетка нашлась в кухне. Она просто забыла ее положить, так что, девочки, можете успокоиться, никому не придется делать рентген. Представляю, какое это для вас облегчение. Как вам известно, в июне у Нормы свадьба. Она выходит замуж за Мэкки Уоррена в полдень двадцать восьмого числа, в Единой церкви, так что, если вы никуда не уезжаете из города, заходите потом в Союз ветеранов. Они приглашают всех. Но не вздумайте ничего с собой приносить. Ида говорит, провизию предоставляет пекарня «Выпечка и закуски Нордстромов», а значит, наверняка будет вкусно.

Кстати, о невестах... Июнь такой насыщенный месяц, столько событий – свадьбы, выпускные балы... И если вы раздумываете, что подарить вашей избраннице, Боб Морган из универмага братьев Морган сообщает, что можете больше не ломать голову, потому что дарить нужно жемчуг, жемчуг и еще раз жемчуг. Жемчуг выпускнику, жемчуг июньской невесте, жемчуг маме невесты, подружкам невесты... всем – исключительно жемчуг. Помните, жемчуг годится на все случаи жизни. Боб приглашает: заходите прямо сегодня. Он будет рад вас видеть.

Та-ак, что тут у нас еще на сегодня... А-а, вспомнила. Мне позвонила Бедняжка Тот, сказала, что ее кошка снова окотилась и котята все страшненькие, кроме одного, так что кто первый придет, тому и повезет. Через минутку я расскажу вам, как стирать перьевые подушки, но сначала давайте послушаем Беатрис, нашу слепую певчую птичку...

Спустя двадцать пять минут Соседка Дороти как всегда заканчивает программу словами:

– Ну что ж, мои старенькие ходики на стене показывают, что наше время вышло. Мне так приятно по утрам сидеть с вами, болтать, попивать кофе... Вы мне доставляете такую радость, не передать. Ну, до встречи, я буду скучать, так что возвращайтесь завтра, хорошо? С вами были Соседка Дороти и Мама Смит. Доброго вам дня...

Вечером Соседка Дороти и ее семейство сидели на веранде, ели приготовленное Доком персиковое мороженое. Все, включая Принцессу Мэри Маргарет, перед которой стояла личная плошка с ее именем.

Летними вечерами едва ли не каждое семейство Элмвуд-Спрингс выходит после ужина на веранду поприветствовать сограждан, которые направляются к центру города поглазеть на витрины или, наоборот, возвращаются из кино. Там и тут на улицах слышны негромкие голоса, в темноте вспыхивают оранжевые огоньки сигарет и трубок.

Бобби, счастливый и обгоревший на солнце, до сих пор пахнувший хлоркой, с глазами, красными от ныряния в бассейне весь день напролет, уснул на качелях под разговоры взрослых. Дороти сказала Доку:

– Видел бы ты, какой он сегодня явился домой, весь аж лиловый, столько в воде проторчал.

Док засмеялся. Анна Ли сказала:

– Мам, ты б его больше туда не пускала. Знаешь, чем он там занимается? Подныривает и щиплется.

Голос подала Мама Смит:

– Ой, да пусть у ребенка будет детство, он скоро повзрослеет.

В это время мимо дома проходили Мэкки Уоррен и его невеста Норма. Норма вела за руку свою четырехлетнюю кузину.

Дороти окликнула их и помахала рукой:

– Ау, привет, как поживаете?

Они помахали в ответ:

– Хорошо. Вот кино посмотрели.

– Что показывали?

Норма крикнула:

– «Яйцо и я» с Клодет Колберт и Фредом Макмюрреем. Хороший фильм.

– Сколько его будут крутить?

– Еще день или два, посмотрите обязательно.

– Посмотрим, – сказала Соседка Дороти.

Мэкки крикнул:

– Как дела, Док?

– Отлично. – Док кивнул на маленькую белокурую девчушку и сказал Мэкки: – Гляжу, тебя уже в няньки приспособили. Ну, привыкай, скоро свои появятся.

Мэкки улыбнулся:

– Да, сэр, спокойной ночи.

– Спокойной.

Когда они скрылись из глаз, Дороти откинулась в кресле, поглядела на Анну Ли и вздохнула:

– Кажется, только вчера вы двое были младенцами. Время мчится словно бешеное. Не успеешь оглянуться, как Анна Ли выйдет замуж.

– Нет, не выйду, – сказала Анна Ли.

– Нет, выйдешь и бросишь нас, а Бобби станет взрослым дядей.

Они еще посидели, поприветствовали нескольких прохожих, перемолвились с ними словечком, потом Дороти сказала:

– А вам никогда не хотелось остановить время? Не дать ему идти вперед, удержать на месте?

– Мам, если бы можно было остановить время, где бы ты его остановила? – спросила Анна Ли.

Дороти задумалась.

– Ох, милая... Будь такая возможность, я бы остановила его прямо сейчас, когда вся моя семья рядом, вот в этот самый момент. – Она взглянула на мужа: – А ты, Док? Где бы ты его остановил?

Он затаился, из трубки пыхнул дым.

– Сейчас подходящий момент. Никто не воюет. Все здоровы. – Он посмотрел на Дороти и улыбнулся: – Да и мамочка пока не утерjala своих очаровательных форм.

Дороти захохотала.

– С этим ты опоздал, Док. А ты, Анна Ли?

Анна Ли вздохнула. Недавняя выпускница, она вдруг стала страшно мудрой.

– Эх, если бы я тогда знала все, что знаю сейчас, я бы остановила его в прошлом году, когда была еще молода.

Дороти улыбнулась дочери и спросила:

– А вы, Мама Смит, когда бы остановили время?

– А я бы, наверное, не стала. Пусть себе идет своей дорогой, как положено.

– Правда?

В 1904 году, когда Мама Смит была ребенком, ее взяли на выставку мировых достижений в Сент-Луис, и с тех пор она с надеждой ждала будущего.

– О да, я бы очень не хотела пропустить что-то хорошее, вдруг оно вот-вот наступит, вдруг поджидает тебя прямо за углом. А вы?

– Наверное, вы правы, Мама Смит, – сказала Дороти. – Мы не знаем, что нас ждет в будущем.

– Вот-вот. Только представьте, какая жизнь будет лет через двадцать пять.

Анна Ли скорчила мину:

– Я стану старухой с седыми волосами.

Мама Смит засмеялась:

– Может, и так, только меня-то к тому времени уже давно на земле не будет. А вы его увидите, это будущее.

Книга первая

Новости

Двадцать пять лет спустя

Элмвуд-Спрингс, штат Миссури

1 апреля 1973

Норма Уоррен просто лопалась от нетерпения в ожидании Мэкки, он должен был вернуться домой завтракать. Он пошел-то недалеко, за два квартала, отнести тете Элнер пакет корма для птиц. Тетя Элнер позвонила ни свет ни заря и сказала, что голубые сойки сейчас разнесут ее дом в щепки, потому как у нее закончился корм. Норма любила и жалела бедную глуховатую тетю Элнер. Но почему именно в это утро у нее должна была кончиться еда для птичек? Норма знала, что Мэкки будут останавливать все кому не лень, а он с удовольствием поболтает с каждым. Обычно она не возражала, но только не сегодня. Бог знает где он застрял. Он мог уже быть на другом краю света или на чьей-нибудь крыше, мог сесть в машину к любому незнакомцу, просто ради того, чтобы пообщаться. Она подождала еще несколько минут и сдалась, поставила его завтрак в микроволновку, чтобы не остыл, взяла щетку и вышла подметать веранду, поминутно оглядывая улицу и думая, что приобретет-таки эту новинку, бипер, и прицепит его к Мэкки.

Спустя еще несколько минут терпение у Нормы лопнуло. Она вернулась на кухню и позвонила. Гудки тянулись бесконечно, пока тетя Элнер не взяла наконец трубку.

– Алло.

– Тетя Элнер, у вас все в порядке?

– Все прекрасно, дорогуша, – произнес бодрый голос, – а у тебя?

– Нормально, я просто разволновалась, вы так долго не подходили к телефону.

– А я в саду была – пока добежала... Мэкки помогает мне посадить турецкую гвоздику вокруг грядок.

Норма закатила глаза и сказала нежным голосом:

– А-а, понятненько. Никакой спешки нет, но попросите, пожалуйста, Мэкки, когда он закончит, чтобы шел прямо домой, никуда не заходя? У него завтрак стынет. Скажете, ладно?

– Хорошо, дорогуша, я передам. Ой, Норма, ты еще слушаешь?

– Да, тетя Элнер.

– Мои голубые сойки передают тебе большое спасибо. Ну, пока-пока.

– До свиданья, тетя Элнер.

Норма, красивая брюнетка сорока трех лет, глянула в зеркало над раковиной и увидела, что от волнения у нее на щеках выступил румянец.

Спустя еще двадцать минут, когда она едва не соскребла щеткой краску с пола веранды и промела полквартиры, на горизонте появился Мэкки. Неторопливо, вразвалочку, он шествовал к дому, приветствуя всех встречающих, включая двух собак и кошку. Норма яростно замахала рукой:

– Мэкки, ну давай быстрее!

Мэкки, коренастый мужчина с песочного цвета волосами, дружелюбного вида, радостно улыбнулся и замахал в ответ. Норма кинулась в дом, вынула из печки тарелку с завтраком, поставила кофейник, и тут хлопнула входная дверь.

– Мэкки, заходи и садись, пока у меня не случился инфаркт.

Он сел.

– Эй, что случилось, девочка?

Норма налила ему кофе, села и дождалась, когда муж примется за яичницу.

– Угадай, – сказала она.

– Что?

– Ни за что не поверишь.

– Что?

– Вовек не угадаешь, кто звонил.

– Кто?

– Только ты ушел, через три минуты, а то и меньше...

– Кто?

– Сдаешься?

– Да, да, ну кто звонил?

– Ты готов?

– Да, дорогая, я готов. Кто?

Норма подождала, пока у нее в голове отзвучат фанфары, и, больше не в силах сдерживаться, выкрикнула:

– Малышка, вот кто!

Мэкки от удивления отложил вилку:

– Шутишь?

– Нет, не шучу, она звонила через три минуты после твоего ухода.

– Где она?

– В Нью-Йорке, и знаешь что? Она возвращается домой.

– Сюда?

– Да!

– Ха. Ну, дела... Она не сказала почему?

– Сказала, что ей необходимо от чего-то там освободиться. Если честно, я так разволновалась, что и не вспомню, что именно она говорила, вроде бы в последнее время очень уставала на работе и можно ли ей приехать в гости.

– А ты что?

– Конечно, говорю. Мы, говорю, много лет подряд только и делаем, что талдычим, приезжай, мол, мы будем рады, просто счастливы. Мы же тебе сказали: это твой дом, как надумаешь, не церемонься, просто приезжай. Мы же это столько раз говорили, верно?

– Абсолютно верно.

Норма выхватила тарелку у Мэкки из-под носа:

– А ну, дай-ка я подогрею.

– Не надо, так сойдет.

– Уверен? Нет, дай пару минут подогрею. – Она подскочила к микроволновке и сунула в нее тарелку.

– Что она еще сказала?

Норма села и сосредоточилась.

– Ну, сказала привет, конечно, как поживаете и все такое, потом, что хочет ненадолго заехать в гости, будем ли мы дома. Я сказала – да, конечно, а она – только ради бога без лишней суеты.

Мэкки нахмурился:

– Как думаешь, у нее все в порядке? Может, за ней съездить? Если нужно, я мог бы сесть в самолет и завтра быть там. Ты ей это предложила?

– Да, сказала, что ты с удовольствием за ней приедешь, но она ответила – нет, не надо, она обо всем договорится, а потом даст нам знать.

– Я бы с удовольствием съездил за ней.

– Ой, я знаю, но мне не хотелось на нее давить. А когда она сказала, что хочет приехать, вообще дар речи потеряла. Представь, да?

– Как думаешь, а вдруг она больна или еще чего? Норма снова вынула тарелку из микроволновки.

– Да нет, вряд ли. Голос у нее был усталый, может, немного подавленный, на-ка, ешь, пока горячая, но не больной, нет.

Мэкки взялся за вилку.

– Я говорил ей, что доработается до нервного срыва, просил, чтобы берегла себя. Я же все время ей говорил, правда?

Норма кивнула:

– Говорил. Говорил, что пора отдохнуть. Что она слишком много работает. Ты это сказал, когда мы были в Нью-Йорке.

Норма видела, что Мэкки с трудом режет яичницу.

– Хочешь, приготовлю другую?

Мэкки всегда был непривередлив в еде и сказал:

– Нет, и эта сойдет.

Норма потянулась к тарелке:

– Это же минутное дело.

– Норма, это съедобная яичница. Я люблю подсушенную. А как насчет работы? У нее с этим все в порядке?

– Не знаю, не спрашивала. Это ее дело, пусть сама решает, что нам говорить, что нет. Я не стану у нее выпытывать. Да, она попросила меня никому не выбалтывать, что она приезжает, особенно газетчикам.

– О боже, нет, если эти проныры узнают, они сквозь трубы пролезут, чтобы до нее добраться.

Норма согласилась.

– Малышка до сих пор встречается с этим парнем с инициалами, как там его зовут-то?

– Не знаю, не спрашивала, – сказала Норма и добавила: – Джей-Си.

– Что-то он мне показался не очень.

– Ну, ей нравится, и это главное. Наверняка знаю только одно: она приезжает, и я намерена из себя выпрыгнуть, лишь бы она почувствовала, что у нее в этом мире есть любящая семья. У нее нет родственников, только я и тетя Элнер. Ей, наверно, очень одиноко. У меня просто сердце разрывалось все те годы, что она моталась из города в город как неприкаянная и некому было о ней позаботиться. А вдруг она и впрямь заболеет, Мэкки? Кто за ней будет ухаживать?

– Мы, дорогая, мы ей это говорили, и, должно быть, она поверила, иначе бы не позвонила.

Норма вытащила салфетку из красного пластикового держателя и высморкалась.

– Ты думаешь?

– Ну конечно. И незачем плакать по этому поводу.

– И сама знаю, просто разволновалась от радости. Она нам доверяет.

– Да, мне тоже так кажется. Она тебе не намекнула, когда собирается приехать?

– Нет, думаю, завтра или послезавтра. Хочешь еще кофе?

– Подлей немного.

Вдруг Норма охнула:

– Боже!

– Что такое? – испугался Мэкки.

– Только что поняла, ведь я не знаю, кофе она пьет или чай. И что ест на завтрак. Нужно купить все, на всякий случай, чтоб было. Как считаешь, пойти заказать торт в пекарне или лучше мне самой испечь?

- Да все равно.
- У Эдны торты великолепные. В смысле, совсем как домашние... Но не знаю, вдруг ей станет обидно, что я купила, а не соизволила сама для нее испечь.
- Дорогая, торт есть торт. Как она узнает, ты его испекла или Эдна Бантц?
- Коробку увидит.
- Так вытащи его из коробки и поставь на блюдо. По мне, так они все на один вкус.
- Тебе, может, и на один, но не забывай, что ее бабушка с дедушкой были владельцами этой пекарни до Эдны, она почувствует. Нет, ты прав, сама испеку. Господи, это меньшее, что я могу для нее сделать. Нет, правда. А в какую комнату поселим ее? Может, нашу отдать? Она самая уютная.
- Нет, дорогая. Она не захочет. Давай поселим ее наверху, где Линда жила. Там ей будет поспокойней.
- Да, там тише всего. Схожу потом наверх, проверю, все ли в порядке, постель и прочее. Надо постирать занавески и почистить ковер. Слава богу, я на сегодня записана к парикмахеру. – Она оглядела Мэкки. – Тебе тоже не мешало бы сходить к Эду постричься.
- Да ну, Норма, какая ей разница, стригся я или нет.
- Зато мне есть разница. А то опозорим ее, заявимся в аэропорт как два Элмера Фадда⁶. Мэкки засмеялся.
- Я не шучу, Мэкки, она привыкла к окружению утонченных ньюйоркцев.
- Ну, видно, придется мне помыть машину. Без шуток.
- Норма обратила на Мэкки взгляд, полный боли.
- Ну почему ты не дал мне покрасить дом? Я так хотела!
- Ну, Норма, успокойся. Она же просила не разводить суеты.
- Да, но что я могу с собой поделать. До сих пор не верится. Только представь, после стольких лет Малышка вернется домой!

⁶ Элмер Фадд – главный враг кролика Багса Бани из одноименного мультфильма телекомпании «Уорнер Бразерс».

Похмелье

Нью-Йорк 1 апреля 1973

Дена Нордстром открыла глаза и три-четыре секунды соображала, кто она и где находится. Затем ее тело оповестило мозг о своем состоянии. И, как водится после таких ночей, как прошлая, первой оказалась весть об ослепляющей, пронзительной головной боли, за нею последовала волна тошноты, а потом бросило в холодный пот.

Медленно, одно за другим, проявлялись в голове события вчерашнего вечера. Они развивались по той же схеме, что и всякий раз, когда она соглашалась пойти выпить с Джей-Си. После коктейлей они отправились обедать в ресторан «Копенгаген» на Сорок восьмой улице, где за шведским столом пропустили бог знает какое количество тминной водки вперемешку с пивом. Дена смутно припомнила, что ругалась с каким-то французом и ходила в «Бразери» пить кофе. Вспомнила, что, когда она добралась до дому, уже встало солнце. Но сейчас она в собственной постели и одна – Джей-Си, к счастью, ушел домой. Потом ее как обухом по голове ударило. Джей-Си. Что она ему сказала? Они запросто могли снова обручиться. И снова ей придется придумывать, как это отменить. Вечно одно и то же. Он скажет: «Но ты не казалась пьяной. Я спросил, не пьяна ли ты, и ты поклялась, что трезва как стеклышко и твердо отвечаешь за свои слова». В том-то и ужас. Она никогда не чувствует себя пьяной и сама верит в то, что говорит. Две недели назад на вечеринке работников радио она пригласила к себе на следующий день двадцать человек пообедать, и потом ей пришлось заплатить швейцару, чтобы сказал всем, что ее, мол, вызвали за город, потому что у нее умерла бабушка. Она даже яйца не сумела бы сварить, а обе ее бабушки умерли давным-давно.

Дена попыталась встать, но боль сжала виски с такой силой, что перед глазами заплескались звезды. Она медленно, боком, сползла с кровати, держась за голову. В комнате было темно как в могиле, и, когда она открыла дверь, оставленный накануне свет в коридоре едва не ослепил ее. Кое-как добралась до ванной и вцепилась в раковину, чтобы удержать вращающийся мир. Пустила холодную воду, но не могла нагнуть голову: боль усиливалась. Пришлось набирать воду горстями и плескать в лицо. Приняла две таблетки «алка-зельтцера», три аспирина и валиум. Руки тряслись. Кока-кола со льдом могла бы спасти ей жизнь.

Она спустилась в кухню, но, проходя мимо гостиной, остановилась. На кушетке дрых без задних ног Джей-Си.

Дена на цыпочках вернулась в ванную и попила воды из-под крана. Намочила полотенце, прошла в свою спальню и тихо заперла дверь, молясь Богу, в которого не верила: «Пожалуйста, пусть он проснется и уйдет домой... Пожалуйста». Она легла, включила на максимум электроодеяло и заснула.

Было около одиннадцати утра, когда Дена снова проснулась, чтобы выпить аспирина. Теперь горел огнем желудок, требуя углеводов. Она тихонько отперла дверь спальни, на цыпочках спустилась в холл и заглянула в гостиную. Уф, слава богу. Джей-Си нет. Ура. Она позвонила в «Карнеги Дели» через дорогу и заказала два горячих сэндвича с сыром, картошку, шоколадный коктейль и две пачки сигарет «Вайсрой». Пока ждала, вышла на балкон. Было холодно, мрачно, пронизывающе сыро. Воздух тяжелый, густой. Как всегда, на углу Сорок восьмой и Шестой пробка, люди орут друг на друга, гудят. Громкие звуки усилили головную боль, и она вернулась в дом, где шум хоть немного приглушали стены. И все же отдельные гудки и сирены проникали под дверь и резали слух тупым ножом, поэтому она пошла ждать в кухню. Записка, оставленная Джей-Си на дверце холодильника, гласила: «Увидимся в восемь за ужином».

– Ну уж нет, – сказала она записке.

Проглотив еду меньше чем за пять минут, она вернулась в спальню, переступила через одежду на полу и с облегчением рухнула в постель. Улыбаясь, она подумала: как же повезло, что сегодня только суббота и можно проспать до утра понедельника. Закрыла глаза... и через секунду распахнула.

Представители их филиала приехали в город на собрание Национальной ассоциации сотрудников радиовещания. И сегодня она обязана быть почетным гостем на обеде.

Она застонала. «Господи... нет, пожалуйста, не говори мне, что я должна идти на этот обед, пусть меня лучше забьют насмерть бейсбольной битой, утыканной гвоздями. Господи, убей меня в постели, сделай что хочешь, только позволь полежать, не заставляй идти на этот обед... Не заставляй вставать и одеваться».

Она еще десять минут лежала, соображая, не позвонить ли с известием, что у нее внезапный приступ аппендицита, и какое вообще может быть достаточно серьезное недомогание, чтобы свалить тебя с ног в субботу и пройти без следа к понедельнику. Как жаль, что у нее нет ребенка, нет ничего лучше захворавшего малыша, они вечно чем-нибудь некстати заболевают. Чем сильнее она старалась убедить себя, что имеет полное право туда не ходить, что этот обед – всего лишь публичная акция, а не настоящая работа, тем сильнее убеждалась, что идти все-таки нужно, все равно ей не даст уснуть чувство вины. Она хотела, чтобы все знали: на нее можно положиться. *Тем более* что и ей этот обед мог сослужить добрую службу. Представители филиалов съезжаются со всех уголков страны, и для многих это серьезный выход в свет. Большинство жен приедут со своими мужьями только ради личного знакомства с Деной Нордстром. Некоторые следили за ее карьерой с того самого первого интервью с бывшим сенатором Босли, и еще больше людей узнали ее после появления на центральном телевидении. Она популярна почти у всех женщин, которые ежедневно смотрят по утрам ее программу. Поэтому она выползла из кровати и отправилась в ванную поглядеть, есть ли надежда привести себя в божеский вид. Глянула в зеркало, ожидая худшего, но увиденное приятно удивило ее.

Благодаря какой-то генетической причуде Дена Нордстром обладала счастливой особенностью лучше всего выглядеть именно с похмелья. Голубые глаза блестели, на щеках играл яркий румянец, губы (после тысячи сигарет) были чуть припухшие, что выглядело весьма сексуально. Замечая это в очередной раз, она снова удивлялась.

В 12.30 в «Таверне на Зеленой улице» целый зал возбужденных дамочек и их мужей из филиалов старательно делали вид, будто вовсе не ждут с нетерпением, когда им наконец дадут поесть. Они то и дело поглядывали на двери – не приехала ли она. В 12.57 попытки скрасить ожидание милой беседой прекратились. Все глаза были направлены на высокую, сногшибательную, «потрясную», как скажут дамы, блондинку, стоящую в дверях. На ней был костюм из верблюжьей шерсти, черный свитер с воротником «хомут», золотые серьги идеального размера, о чем женушки доложат дома своим полным зависти подругам, не забыв упомянуть про почти полное отсутствие косметики. Это была она, Дена Нордстром собственной персоной, со свежим, цветущим, открытым лицом девушки со Среднего Запада и с улыбкой на миллион долларов.

Вся толпа единым валом подалась к ней. Дена взошла на подиум с микрофоном и извинилась:

– Простите, что так опоздала. Я весь год так ждала этого обеда, и вы не поверите, уже выхожу из дверей, а тут звонок. Сестра звонит из самого Копенгагена и сообщает, что попала в больницу со сломанной лодыжкой. Они с мужем вчера пошли на вечеринку, где подавали непривычные для них крепкие напитки... В общем, если коротко, она не удержалась на деревянных сабо, и пришлось мне рыться по всем ящикам, искать ее страховку и диктовать номер, иначе ее не отпускали, а у них билет на самолет. Так что прошу прощения...

И вдруг она замолчала на полуслове. Почему все ее извинения так или иначе связаны с семьей? Ничего оригинального в этом нет, а кроме того, семьи-то у нее тоже никакой нет. Да объяви она, что зарубила топором шесть монашек, эти люди все равно простят ее. Вот и теперь они радостно ринулись к ней, галдя, насколько красивее она в жизни, чем на снимках, и прося разрешения сфотографироваться с ней. Штук сто «Кодаков» замигали вспышками со всех концов зала, и вскоре сплошные белые пятна мелькали у нее перед глазами. Но она продолжала улыбаться.

Тетя Элнер

Элмвуд-Спрингс, штат Миссури

1 апреля 1973

Мэкки спустил воду в унитазе и открыл краны, чтобы убедиться, что все работает исправно. Норма хотела посоветоваться, не постелить ли новое покрывало, и позвала его из ванной. Мэкки пришел и взглянул на кровать.

– Думаю, не стоит, и объясню почему. По-моему, лучше оставить все как есть, ничего не меняя. После мест, где она жила, вряд ли ее впечатлит новое покрывало. Мы так и так не сравнимся со всеми этими новомодными гостиницами. Нужно только постараться, чтобы она чувствовала себя как дома, понимаешь, этого-то она нигде не найдет.

– Да, Мэкки, все правильно, но есть вероятность, что старое шерстяное покрывало, которому двадцать лет, покажется ей не столько домашним, сколько просто жалким. Ты об этом подумал?

– Дорогая, да нормальное покрывало. Поверь мне.

– Ну, раз ты так считаешь, ладно. Но могу я по крайней мере постирать одеяло и белье? Это мне будет позволено?

– Безусловно.

Они принялись разбирать постель.

– И все же, Мэкки, есть такое выражение – спустя рукава. Мол, подготовились, но недостаточно. Вдруг она решит, что мы не рады ее возвращению? – Норма указала на окна: – Можешь снять занавески? Простиру их заодно.

Мэкки полез на подоконник.

– Норма, она и так поймет, что мы рады ее возвращению. Это будет заметно. Мне просто кажется, мы должны жить обычной жизнью, не пытаться ничего изображать из себя. Разве не за этим она приезжает – освободиться от напряжения. Может, ей необходимо побыть в нормальном доме, поесть нормальную пищу, притормозить гонку жизни.

– Я понимаю, но не забывай, что когда мы были у нее в Нью-Йорке, то она принимала нас по-королевски, исполняла каждую нашу прихоть, мы у нее чуть ли не по красной ковровой дорожке ходили, как почетные гости страны. Вдруг она подумает, что мы не желаем сделать для нее то же самое? – Норма подозрительно посмотрела на овальный коврик на полу. – Кстати, о ковре, надо его почистить. Сделаешь?

– Хорошо, как прикажешь. Попозже поднимусь и сделаю. Еще что-нибудь?

– Да. Собери из ванной все полотенца, я не знаю, сколько они провисели. И еще, дорогой, проверь, не покрылась ли плесенью занавеска на душе.

Спускаясь вниз по лестнице, Норма воскликнула:

– А как же тетя Элнер?!

– А что с ней такое?

– Мы ей разве не сообщим? Малышка велела никому не говорить о приезде. Думаешь, она и тетю Элнер имела в виду?

– А она конкретно про нее что-то говорила?

– Нет. Ни словом не обмолвилась.

– Ну вот тебе тогда и ответ. Если бы она хотела, чтобы мы сообщили тете Элнер, она бы сказала.

– Я знаю, но просто не представляю, что она может не захотеть ставить тетю Элнер в известность.

– Я знаю только, что мы должны сделать так, как она попросила.

- Но она не видела тетю Элнер с четырех лет, как она может *не хотеть* с ней встретиться?
- Дорогая, я уверен, она с ней встретится. Позволь ей решать это самой.

Норма загрузила в машину первую порцию стирки, добавила порошка, закрыла крышку и присела к мужу за кухонный стол.

– Мэкки, а что, если она не захочет видеть тетю Элнер, а потом, после ее отъезда, тетя Элнер узнает, что она была здесь? Представь, как ей будет обидно.

- Норма, ты снова заранее разводишь панику и делаешь из мухи слона. Все будет хорошо. Норма встала и налила себе кофе.

– Ладно, но мы вот как поступим. После того как она тут немного побудет, обустроится и все такое, я невзначай, очень естественно, как бы между прочим, скажу, знаешь, мол, Малышка, ты наверняка хочешь встретиться с тетей Элнер. Она очень расстроится, если вы не повидаетесь. Она так тобой гордится. Как увидит тебя на экране, всему городу хвастается: это, говорит, моя маленькая племяшка.

- Другими словами, ты собираешься бедную девочку шантажировать.

– Ой, да ну тебя, глупости какие. А потом, когда она решит к ней пойти, я позвоню тете Элнер и скажу: тетя Элнер, скажу я, угадайте новость, Малышка приехала, только что, без предупреждения. Вот она удивится-то.

Мэкки выдвинул другое предложение:

– А может, тебе просто взять Малышку за руку, подвести к двери тети Элнер и постучать? Вот тогда она точно удивится.

Норма глядела на мужа с неопишуемым выражением.

– Мэкки, ты чем вообще думаешь? Нельзя же просто постучать в дверь к девятиностолетнему человеку и заорать: «Сюрприз!» У нее может случиться инфаркт, и она рухнет замертво прямо в дверях, вот будет удовольствие Малышке – приехать домой и убить свою тетюшку, хлоп – и готово. Чудные выйдут у нее каникулы, не правда ли? И каково тебе будет жить с этим всю оставшуюся жизнь?

- Ну, по крайней мере, ей не придется далеко ехать на похороны, она уже будет здесь...

Норма покачала головой:

- Знаешь, Мэкки, иногда я начинаю за тебя беспокоиться, ей-богу.

Что-что я сделала?

Нью-Йорк

1 апреля 1973

Званный обед прошел хорошо. На ура. Были даже минуты, когда, улыбаясь и пожимая чьи-то руки, она в самом деле чувствовала интерес к тому, что ей говорили. Парадокс: чем ей хуже, тем она приятней в общении. Надо думать, благодаря чувству вины. Видели бы ее эти люди несколько часов назад, мертвецки пьяной. Они бы, наверное, в ужас пришли. Но внешне спокойная и уверенная, она едва держалась на ногах. Около 2.45 действие аспирина, «алка-зельтцера», валиума и двух «Кровавых Мэри», которые она умудрилась выпить, стало сходить на нет и она почувствовала, как огромная, темная, грохочущая головная боль надвигается издалека, готовая ринуться на нее, точно стадо буйволов. Желудок снова жгло, и каждая мышца болела, будто она упала с десятого этажа. Последние десять минут ее то и дело бросало в пот, а левое веко дергало тиком. Но она выжила.

Она села в такси и сказала: «Дом сто тридцать четыре по Западной Пятьдесят восьмой, пожалуйста». Улыбнулась и помахала рукой на прощанье. Когда машина свернула у парка, она чуть не застонала от облегчения. Наконец-то. Наконец можно перестать улыбаться. Теперь – домой, принять еще аспирина, еще валиума, выпить холодного пива, забраться в постель и спать. Еще немного продержаться – и все.

Но с таким водителем, как этот, продержаться оказалось не так-то легко. Он рывком газовал, бил по тормозам и дергал руль из стороны в сторону. Она наклонилась вперед:

– Сэр, не могли бы вы вести поаккуратней? Я только что перенесла операцию на бедре.

Водитель лишь бросил на нее сальный взгляд, что-то буркнул на иностранном языке и продолжал дергать руль, рвать с места и резко тормозить. Буйволы в голове снова забили копытами. Она сделала еще одну попытку:

– Сэр, будьте любезны...

Он явно игнорировал ее. Она сдалась, откинулась назад и вцепилась в ручку двери. Боже правый, неужто в Нью-Йорке не осталось ни единого водителя такси, говорящего по-английски? Он не только не владеет языком, этот парень, он еще и злобный женоненавистник, это же очевидно. Запах от него такой, что режет глаза. Она доехала до угла Пятьдесят восьмой и Шестой, ибо у нее не осталось сил объяснять, как объехать квартал. После того как она вручила ему пятидолларовую купюру, – счетчик показывал 4.70 – он снова одарил ее сальным взглядом, буркнул что-то и высунул руку, требуя чаевых. Она сказала:

– Слушай, ублюдок, если ждешь чаевых, тебе стоит выучиться водить, говорить по-английски и прилично себя вести, как минимум!

Водитель заорал на нее на своем родном языке, швырнул на тротуар сдачу и плюнул. Отъезжая, он выкрикнул единственное английское слово, которое знал: «Пидор!»

Дена показала ему средний палец и крикнула вслед:

– Ты, недоумок, вали туда, откуда приехал!

На крик голова отозвалась болью, народ приостановился поглазеть на нее. Оглянувшись, она подумала: «Ну здорово, стою на улице с похмельным синдромом и превращаюсь в “гадкого американца”⁷ прямо на глазах у изумленной публики». Возможно, ее узнали и завтра процитируют в «Дейли ньюс».

Единственным утешением было то, что за спиной у нее раздалось несколько аплодисментов.

⁷ «Гадкий американец» – американский дипломат или бизнесмен за рубежом, особенно в Азии (по названию книги Бердика и Леберера).

Едва войдя в квартиру, она скинула с себя одежду и выпила три больших глотка жидкого «Маалокса», чтобы загасить изжогу. Открывая коробку с аспирином, заметила, что дрожат руки. Раньше такого не наблюдалось, и она испугалась. Вообще-то говоря, у нее всегда были стальные нервы. Но вскоре она отмела эту мысль. *Ты просто устала, никакой ты не алкоголик, в последнее время у тебя сплошная нервозность. Да, в последнее время, то бишь в последние пятнадцать лет.* Обычно она держала под контролем количество выпитого, но недавно заметила, что примерно раз в две недели слетает с катушек и напивается до бесчувствия, как прошлой ночью. Потом просыпается с адским похмельем и клянется, что больше никогда в жизни этого не допустит. *Наверное, это как с чайником. Слишком сильное давление внутри, и бывает нужно выпустить немного пара.* Но похмелья становились все тяжелее, а она почему-то продолжала периодически напиваться. Карьера шла в гору, ее телешоу имело один из самых высоких рейтингов среди утренних программ. Лучше просто некуда, если, конечно, не считать элитное вечернее время, но это может ждать ее в будущем, если дело и дальше так пойдет. Она наконец взяла верх над этим парнем из окружного суда. На это ушло лет пять, но она больше о нем не вспоминала. Почти. *Я просто давно не отдыхала, вот и все. А вообще я совершенно счастлива.*

Дена налила ванну, надеясь, что горячая вода утихомирит боль в теле. Направляясь в кухню за пивом, вспомнила: прежде чем лечь спать, надо позвонить Джей-Си и придумать подходящее объяснение, почему она не может пойти с ним ужинать.

В ванне ей стало чуть лучше. Она сидела и наслаждалась красотой янтарных бликов внутри бутылки, капель, бегущих по запотевшему стеклу на черную с золотом этикетку «Миллер», наслаждалась как произведением искусства. В том-то и проблема с алкоголем. Такая красота, что поди удержишься. И разве есть на земле место более притягательное и соблазнительное, чем элегантный коктейль-бар? Она поняла это в первый же раз, когда мамин друг привел ее, двенадцатилетнюю, в хорошее место. Дену сразу заворожили бесконечные ряды бутылок на стеклянных полках с зеркальной стеной позади, подсвеченное стекло, затаенное изумрудно-зеленое мерцание мятного ликера и ярко-красное – гранатового. Она помнит даже мягкие роскошные ковры, маленькие розовые лампы на столах и приглушенный звук пианино в углу. Все было так по-домашнему. Тогда впервые она увидела настоящий джин с мартини. На тот момент это была для нее самая роскошная вещь в мире, наравне с мюзик-холлом «Рэдио-Сити» и кордебалетом «Рокетты»⁸. Как будто расплавили горсть голубых, как лед, алмазов и налили в высокий, охлажденный, узкий бокал на ножке. Она не просто жаждала схватить его и выпить, ей хотелось съесть и бокал, сжевать всю эту штуковину целиком. Позже она испытала похожее чувство со скотчем. Само название уже было достаточно манящим, но когда густую, яркую, цвета растопленной карамели жидкость налили в невысокий, крепенький стакан с толстым дном, она представила, что на вкус это должно быть в точности как жидкие ириски. Хорошо бы скорее повзрослеть и заказывать настоящий алкоголь вместо лимонада «Ширли Темпл», что принес в тот раз мамин приятель. Когда же ей наконец выдалась возможность попробовать мартини, первый же глоток ударил ей в голову. Оно было таким крепким! И какое удивление ждало ее, когда оказалось, что скотч больше напоминает по вкусу йод, чем ириски. Два великих разочарования в жизни.

Так что теперь она всегда заказывает коктейли типа «Кузнечики», «Розовые белки», «Александр» и бренди, с которыми сложно ошибиться. Прошлая ночь была исключением. Она пила только тминную водку с пивом вдогонку, потому что так любит Джей-Си и потому что официанты ужасно смешно приносят леденящие бутылки и наливают. Бедный старина Джей-Си. Верит всему, что она говорит. Такой славный парень, с ним весело, можно брать его в

⁸ Знаменитая шоу-группа, постоянно выступает в мюзик-холле «Рэдио-Сити».

любые компании, по-настоящему хороший человек и так ее любит, что позволяет делать все что заблагорассудится. Временами она действительно рада его видеть. Но в основном он ей нужен, чтобы другие не приставали. Есть и еще причина, почему она его не гонит. Не любит, вот почему, и это ее вполне устраивает. Не нужна ей никакая любовь. Любовь затащила ее за кулисы и крепко поколотила. Ее угораздило втюриться в прилизанного красавчика, болтуна-лоббиста Вашингтона, и ничего из этого не вышло, кроме разбитого сердца и долгой печали. Она была без ума от него, годами ждала, что он позвонит, что приедет, ловила его на вранье. Клялась больше не видеться, но всякий раз принимала обратно. Любовью то было или умопомрачением, но теперь все прошло и она больше не желала играть роль в подобном спектакле. Слишком больно.

Сейчас она совершенно счастлива в роли любимой, а не любящей, и пусть так все и останется. Секс – возможно, дружба – да, но любовь – нет. Если она когда-нибудь заметит, что к ней приближается любовь, она перейдет на другую сторону улицы. К тому же она больше не позволит чему-то или кому-то становиться между ней и ее работой.

После ванны она забралась в постель и набрала номер Джей-Си, но его, к счастью, не оказалось дома. Вероятно, пошел в спорт-бар посмотреть футбол, так что можно спокойно оставить сообщение на автоответчике. И только сняв трубку и положив ее рядом с телефоном на тумбочку, чтобы не звонили, она заметила телефонную книгу, раскрытую на букве «У». *Норма и Мэки Уоррен, Элмвуд-Спрингс, Миссури*. Она начала припоминать, что звонила кому-то в шесть утра, когда ничего не соображала. Волна жара бросилась в голову. Надо вспомнить. *Ой, только не говорите мне, что я им позвонила, скажите, что нет, не могла же я быть такой дурой*. Но в глубине души она знала, что могла, очень даже запросто. Она, бывало, уже звонила людям, а потом забывала. Она не хотела об этом думать, поэтому укрылась электроодеялом с головой и уснула.

Дена проснулась в 4 утра в понедельник, отдохнувшая, но с легким чувством вины. Она проспала всю субботу и воскресенье. Приняла душ, оделась и была готова к тому, что в пять за ней приедет машина и отвезет на студию. Ей нравился город в этот утренний час. На улицах тихо и почти пусто, лишь запоздавшие гуляки спешат домой после длинной ночи. Вон парочка пытается поймать такси, женщина до сих пор в коктейльном платье с блестками, мужчина в твидовом костюме без галстука. Шестая авеню кажется длинной и широченной, как футбольное поле, но скоро заполнится машинами и людьми, и к концу рабочего дня дома словно придвинутся на двадцать гигантских шагов к середине улицы. Дена вошла в здание телестудии. Ей до сих пор, даже спустя четыре года, с трудом верилось, что она работает в «Рокфеллер-плаза», и, входя, всякий раз она испытывала ощущение, будто попала в роман Айн Рэнд. Об этом говорило все – от фресок на стенах до стука ее каблуков по мрамору, когда она шла по пустым залам к гладким латунным лифтам, которые за пять секунд вознесут ее на двадцать шестой этаж. Единственный побочный эффект от потерянных выходных – слегка припухшие глаза от пересыпа, но гримерша Магда все поправит, положит, как обычно, на веки пакетики со спитым чаем и заставит сидеть так десять минут.

Интервью с Хелен Герли Браун прошло очень удачно. Подразумевалось, что это будет легкая беседа с редактором «Космополитен», но получилось остро, смешно и довольно пикантно, так что Дена в чудесном настроении вернулась в офис и обнаружила там красивый букет от Джулиана Амзли, президента телекомпании, и здоровенную корзину фруктов с запиской: «Слышал, ты всех покорила за обедом. Благодарю тебя от всей телесемьи». Она почти не вспоминала ту долгую безумную ночь, пока не открыла почту и не увидела письмо, пришедшее во время ее эфира:

Малышка, мы очень рады, что ты возвращаешься домой! Пожалуйста, не забудь сказать, каким рейсом прилетаешь, чтобы мы тебя встретили в аэропорту. Твоя семья из Элмвуд-Спрингс, Норма, Мэкки и тетя Элнер

Люди, стоящие за дверью у фонтанчика с водой, услышали громкое «О боже!». Дена облокотилась о стол и обхватила голову руками, спрашивая себя, что могло заставить ее позвонить им и сообщить, что она приезжает, – и куда! – в Миссури, господи прости? Элмвуд-Спрингс – всего лишь городок, в котором она недолго прожила, будучи ребенком. Там похоронены ее отец и бабушка с дедушкой, но, не считая данного факта, ее ничто не связывает с этим местом, в памяти сохранились только обрывки смутных воспоминаний. Она даже не понимает, где он, этот городок. А Норма и Мэкки? Она не вспоминает о них годами, почти не знает их. Даже не помнит, каким родством они связаны. Вроде как Норма ее троюродная или четвероюродная кузина, что ли. По сути, совершенно чужие люди. Конечно, они присылают ей открытки на Пасху и какие-то подарки под Рождество, и год за годом, куда бы она ни переезжала, они всегда находили ее и присылали подписку на религиозный журнал, какой-то «Дейли уорд», от которой она немедленно отказывалась, как и от странного коричневого варенья. Норма и Мэкки – славные, но виделись они всего раз, и было это незнамо сколько лет назад, когда они на несколько дней приезжали в Нью-Йорк. Хоть они и славные, но ей от этого было не легче. Они остановились в «Хилтоне», и Джей-Си по доброте душевной повел их смотреть статую Свободы и Эмпайр-стейт-билдинг. Единственное, что она для них сделала, – это достала билеты в «Рэдио-Сити» и на телешоу «Сегодня вечером»⁹. Да, еще сходила с ними поужинать, причем за столом темой разговоров был исключительно Уэйн Ньютон, выступавший в тот вечер гостем на «Сегодня вечером», и то, какой он очаровательный человек. Ее друг после шоу провел их за кулисы, где они познакомились со звездой и получили фото с автографом.

Дена была в недоумении. Почему из всей адресной книги она решила позвонить именно им? Может, потому что ей снова приснилась мама и этот дом; а может, виновата тминная водка. Какова бы ни была причина, но теперь она не представляет, как из этого выпутаться.

«Я не виновата, – подумала она. – Я убью Джей-Си. Это он заказывал столько спиртного».

⁹ Tonight show – «Сегодня вечером», популярное ток-шоу, выходит на Эн-би-си с 1954 г.

Поездка в Сибирь

Элмвуд-Спрингс, штат Миссури

3 апреля 1973

На обед Норма опробовала несколько рецептов из «Поваренной книги Соседки Дороти». Мэкки она сказала, что просто вот захотелось ей отведать чего-нибудь новенького для разнообразия, но на самом деле она проводила испытания блюдам, которые собиралась готовить для Малышки. Она знала, что Мэкки все понимает, но подыгрывает. Ему подали следующие кушанья: колбасный хлеб «Услада» от Минни Делл Крауэр; запеканку с лимской фасолью и сыром от Леоты Клинг; запеченный турнепс от Вирджинии Мей; картофельное пюре «Легче перышка» от Джоан и Сюзан Тейт; булочки «Улетающие с тарелки» от Люсиль; вишневый салат «Би-бип» от Гертруды, а в заключение пирог с шоколадом и ореховым маслом «Уминайка» от Вернелии Пью.

Все выдержало испытания, за исключением турнепса. Кто бы ни была эта Вирджиния Мей, места в раю для победителей конкурса «Лучший рецепт» она явно не удостоится. После этого Мэкки с трудом мог шевелиться и перетек в гостиную смотреть телевизор. Норма в кухне наблюдала, как новый измельчитель мусора уничтожает остатки турнепса, когда зазвонил телефон. Она взяла трубку.

Через пять минут Норма вошла в гостиную с удрученным видом, села напротив Мэкки и сказала:

- Она не придет.
- Почему?
- Она так огорчилась... Слышал бы ты ее голос.
- Что случилось?

– Ну, она сказала, что собиралась ехать завтра, но переиграла на сегодня. Заказала билет на последний рейс до Канзас-Сити, чтобы позвонить нам из аэропорта в Нью-Йорке, чтобы мы точно знали, во сколько она прилетит. Она собрала чемодан, взяла билет, вызвала такси и шла к двери, уже в холле была, и тут зазвонил телефон. И она сказала, что готова себя убить за то, что вернулась и взяла трубку. Потому что, представь, это оказался ее босс, он был в панике, поскольку они договорились об очень важном интервью, причем в другом городе, но репортера, который должен был его проводить, внезапно свалил приступ малярии, и теперь ехать некому.

– Малярии?

– Да, он подхватил ее, когда снимал передачу в каких-то джунглях, а такие болячки, сам знаешь, периодически обостряются. В общем, у нее нет выбора, поскольку в аэропорту уже ждет самолет. Благослови ее Бог, удивительно, что она успела нам позвонить, прежде чем ее выдернули в Сибирь. Хорошо, конечно, что позвонила, я хоть напомнила ей, что надо взять пальто. А то заявишься туда, а там буран, и что делать, до смерти замерзнуть?

– В Сибирь? У кого это она, интересно, собирается брать интервью аж в Сибири?

– Она не знает. Говорит, это настолько важно и, очевидно, секретно, что ей даже не сообщили. Благо у нее уже собран чемодан, правда, вещи-то она брала легкие, здесь у нас тепло. Хорошо, что я заставила ее взять теплое пальто.

Мэкки встал и стащил с полки большой зеленый атлас Коллера.

– Норма, ты уверена, что она не сказала «Сицилия», или «Сардиния», или что-то похожее?

– Не-ет, она точно сказала – Сибирь. Стала бы я иначе говорить ей про пальто? Я бы не посоветовала ей тащить тяжелое зимнее пальто в Сицилию или Сардинию, я понимаю разницу

между Сардинией и Сибирью. – Вдруг Норма забеспокоилась: – Слушай, мне вдруг пришло в голову... Разве не нужно делать прививки, когда выезжаешь за пределы страны?

Палец Мэкки нащупал Сибирь на карте.

– Нужно, но вряд ли у микроба есть возможность забраться в такую даль.

– А паспорт? Вдруг она его в спешке забыла?

Мэкки покачал головой:

– Нет, дорогая, их так часто дергают с места на место, что, вероятно, у них не один, а четыре-пять паспортов имеется. Может, один у нее всегда в сумочке болтается.

Он рассматривал карту.

– У кого бы ни брала она интервью, могу дать голову на отсечение, что он русский. Иди взгляни.

Норма посмотрела, где находится Сибирь.

– Боже правый! Разве это не за железным занавесом? Как думаешь, там не опасно? Ее там не похитят? Никто на нее не нападет?

Мэкки покачал головой:

– Нет. Пойми, если с ней что-нибудь случится, вся Америка узнает. Они не станут связываться со знаменитой телезвездой, поверь мне. Уж с кем, с кем, а с ней точно ничего не случится. Она не сказала, сможет она приехать после этого путешествия?

– Нет, не сможет, она сказала, это было единственное окошко.

– Как все-таки ее эксплуатируют, ты подумай! У нее же не было отпуска с тех пор, как она там работает. Девочка ужас до чего переутомляется.

Через полчаса, когда Мэкки в кухне налаживал кофеварку, Норма, вздохнув, сказала:

– Позвоню-ка я, наверно, тете Элнер, скажу, что она не едет.

– Она и не ждала ее, Норма, она же не знает. Но та уже набирала номер.

– Тетя Элнер, вы еще не легли? Это Норма. – Затем погромче: – Норма! Пойдите возьмите слуховой аппарат, дорогая. – Она подождала. – Ну так вот, могу теперь рассказать, потому что все отменяется. Вы никогда не догадаетесь, кто собирался приехать в родной город. И прийти к вам в гости, чтобы сделать вам сюрприз. Угадайте... Я знаю, что не знаете, но попробуйте угадать. Нет, лучше, чем Уэйн Ньютон.

Мэкки засмеялся.

– Малышка, вот кто. Нет, теперь не приедет. Да, это было бы чудно, но в самый последний момент, когда она уже выходила из дверей, позвонил ее начальник и велел ей брать интервью и для этого лететь аж в Сибирь. Сибирь. С-И-Б-И-Р-Ь. Да, теперь правильно. Мэкки думает, она будет делать передачу с какой-то большой русской шишкой. Мне ее жаль до слез. Гоняют девочку туда-сюда, но что делать, новости не ждут, как говорится. Пф-ф, конечно, она расстроилась, не то слово. У нее прямо сердце разрывалось от горя. Она старалась держаться молодцом, но по голосу было слышно: едва сдерживает слезы. Мы, конечно, все расстроены ужасно, но представьте, каково ей, бедняжке. Стоять на пороге с чемоданами, чтобы ехать в Миссури, и вместо этого махнуть в Сибирь.

Сувенир

Пятью годами раньше

Элмвуд-Спрингс, штат Миссури

Ноябрь 1968

Вернувшись домой из Нью-Йорка, первым делом Норма и Мэкки отправились к тете Элнер дарить сувениры, купленные для ее полки с безделушками. Сувениров было два: маленькая бронзовая статуя Свободы и пресс-папье в виде Эмпайр-стейт-билдинг с искусственным снегом внутри. Через два часа тетя Элнер позвонила Норме, прижимая к груди пресс-папье.

– Норма!

– Да, дорогая?

– Тебе придется прийти и забрать у меня это пресс-папье.

– Почему?

– Я не могу удержаться, трясу его и трясу. Там внутри зима совсем как настоящая, правда?

– Ну я рада, что вам понравилось. Мы не знали, что вам привезти.

– Ой, ты не представляешь, в каком я восторге.

– Хорошо.

– А у Малышки, как вам показалось, все нормально?

– Да. Правда, мы с ней очень мало виделись. Ее заставляют работать сутки напролет.

– Она все такая же худышка?

– Нет, поправилась, сейчас у нее фигурка что надо.

– Ей понравилось финиковое варенье?

– Ой, да, она так обрадовалась при виде банки. Наверно, она никогда и не ест ничего домашнего, там все днем и ночью питаются в ресторанах.

– Ну, дай ей бог здоровья. Как думаешь, она любит орех пекан? У меня тут целая гора на веранде. Дерево у нас просто с ума сбрендило в этом году. Может, сделать ей мой коронный ореховый пирог с карамельной глазурью? Как думаешь, ей понравится?

– Уверена, что понравится.

– Мне до сих пор с трудом верится, что Малышка – взрослая женщина! Последний раз, когда я ее видела, сколько ей было, четыре?

– Четыре или пять.

Потом тетя Элнер задала вопрос, который всегда задавала, когда речь заходила о Дене:

– Она ничего не сказала про свою мать?

– Ни слова.

– А что бы ты ответила, если бы она спросила?

– Я бы на любой ее вопрос ответила как можно правдивее. Но она ничего не говорила, а я не приставала. Зачем.

Последовало молчание.

– Ей, должно быть, нелегко с этим сжиться, правда? – спросила тетя Элнер. – У нее наверняка это из головы не идет.

– Не знаю, тетя Элнер, но думаю, ей больно даже думать на эту тему, так что я уж помалкивала.

– Да, видать, так будет лучше. Что ж, дорогая, еще раз спасибо за подарок, мне ужас до чего нравится. И попроси Мэкки зайти, ладно? У меня дверь черного хода опять заклинило.

– Хорошо, я ему передам.

Тетя Элнер повесила трубку, еще раз перевернула пресс-папье вверх ногами, наблюдая, как крошечные хлопья искусственного снега кружатся вокруг миниатюрного Эмпайр-стейт-билдинг, и сказала вслух:

– Вы только поглядите, а... Прямо зимняя страна чудес.

На следующий день Норма села и написала письмо.

*Мистеру Уэйну Ньютону
Телешоу «Сегодня вечером», NBC
Нью-Йорк*

Дорогой мистер Ньютон,

Я просто поздороваться. Как Вы знаете, мы – я, мой муж и тетя Элнер – всегда были Вашими величайшими поклонниками. Всегда смотрели Вас по телевизору и покупали все Ваши альбомы и четыре года назад имели счастье видеть Вас вживую, на Вашем выступлении на ярмарке в штате Миссури.

Так что можете представить, как мы благодарны нашей кузине Дене Нордстром за предоставленную возможность встретиться с Вами лично и получить фотографию с автографом. Это был самый счастливый миг нашей поездки.

Вы были с нами так любезны, и мы очень счастливы, что Вы оказались таким простым, приятным человеком. Я знаю, Вы много ездите и, возможно, не имеете лишней минуты, чтобы сходить в церковь, так что посылаю Вам подписку на «Дейли уорд» и немного финикового варенья тети Элнер. Мистер Ньютон, если Вы когда-нибудь окажетесь вблизи Элмвуд-Спрингс, штат Миссури, прошу Вас, знайте, что Вам есть где остановиться и поесть домашней пиццы. Вы наверняка устали от гостиничной еды, и мы будем рады принять Вас.

С наилучшими пожеланиями, миссис Норма Уоррен

P. S. Наши фотографии сейчас висят на самом видном месте на «Стене славы», рядом с фотографией нашей кузины.

Как она туда попала

Четырнадцать лет назад

Силвер-Спрингс, штат Мэриленд

1959

Забавная штука – слава. Она четко знает, кто ей нужен, и начинает подкрадываться к человеку с юности. Дене было всего пятнадцать, когда за ней явилась слава. Фотограф из «Севентин» пришел к ним в школу, и она в этот день оказалась в десятке избранных для съемки. Она никогда не считала себя красивой, слишком высокой вымахала, но журналу потребовались блондинки, а у них в классе было всего несколько светловолосых девочек. Альберт Баутмен, визажист, по всей стране делал макияж хихикающим подросткам, и вошедшая художавая, долговязая девочка была для него всего лишь очередным лицом из вереницы лиц, которыми он сегодня занимался. Она села, и он надел на нее фартук. Заметив, что она бледновата, взял пудру чуть потемнее тоном и немного подвел карандашом глаза, чтобы подчеркнуть форму. Закончив, Альберт кинул последний взгляд в зеркало, чтобы оценить работу. Увиденное его ошеломило. В зеркале отражалось одно из самых прекрасных лиц на свете, а ведь он его едва коснулся. Дена, которая никогда раньше не пользовалась косметикой, была поражена не меньше. Альберт спросил, как ее зовут.

– Что ж, мисс Дена Нордстром, – сказал он, – вы только поглядите на себя. Вы же сногшибательны!

Вошла следующая девочка и села на место Дены. Через месяц, в Нью-Йорке, фотограф, разглядывая в увеличителе негативы, дошел до фотографии юной Нордстром и вспомнил этот момент.

– Ты прав. Погляди на девчонку. Черт, ее же просто невозможно снять плохо. У нее золотое лицо, на миллион долларов. – Он обернулся к помощнику: – Разузнай, кто она и как ее найти.

– Я же тебе говорю, – сказал Альберт. – Когда она вошла, смотреть было не на что. Я чуть подпудрил, подвел глаза – и все, умереть можно.

Фотограф не отводил взгляда от снимка.

– Черт, я одел ее в простой черный свитер с горлом да щелкнул – нет, ты глянь, ты только глянь, какое строение черепа. Она что, шведка или еще откуда?

– Не знаю.

Помощник вернулся со списком:

– Ее зовут Дена Нордстром.

– Так я и знал, – сказал фотограф, – у нас тут малышка Гарбо или вторая Ингрид Бергман. Сколько ей?

– Пятнадцать.

– Да, мечтать не вредно, – разочарованно сказал фотограф.

Альберт напомнил старому знакомому:

– Да, только это тебе и остается, если не хочешь преследования еще одной разгневанной мамы или закона.

Фотограф глубоко вздохнул и сказал помощнику:

– Позвони Хетти в агентство, скажи, что посылаем ей несколько снимков... Но предупреди, что сначала мы сами с ней поработаем.

Двумя днями позже, после того как в школу Дены наконец дозвонились, а ее мать застали на работе, Хетти Смит объяснила, что она работает только с топ-моделями из числа подростков и хочет подписать с Деной контракт на пять лет, но к работе нужно приступить сразу.

– У вашей дочери незаурядная внешность. Если создать ей правильный сценический образ, ее ждет большое будущее.

Хетти откинулась на спинку стула в ожидании слов, которые она обычно слышала от мамочек, как, мол, они рады, что их дочери станут моделями. Эта же сказала всего два слова: «Абсолютно неприемлемо».

Мать Дены была встревожена. Она не знала, что Дену фотографировали.

Хетти выпрямилась на стуле:

– В каком смысле?

– Миссис Смит, благодарю за проявленный интерес, но нам придется отклонить ваше предложение.

– Мы считаем, что она сможет стать звездой. Честно говоря, мы рассчитывали, что вы обе сниметесь для разворота «Мать и дочь» в следующем номере журнала «Семейный круг», так что если бы вы прислали свою последнюю фотографию...

– По-моему, вы недопоняли. Я не хочу, чтобы моя фотография или фотография моей дочери появлялась на страницах какого бы то ни была журнала. Боюсь, что я против этого возражаю. Простите.

Хетти была обескуражена.

– По-моему, это вы недопоняли. Ваша дочь может зарабатывать деньги – огромные деньги, – позируя для журнала или рекламы. Против денег-то вы ничего не имеете, правда?

Последовало довольно долгое молчание.

– Я деньги трудом зарабатываю, миссис Смит, и хочу, чтобы моя дочь сперва получила образование, а потом уж мы решим, как быть с ее будущим.

Хетти не собиралась так просто сдаваться.

– Мы не имели в виду прерывать ее образование, все наши девочки продолжают учебу. Мы можем назначать ей съемку вне учебных часов. У нас уже есть заказ на ее фото в журнале «Севентин», возможно, для обложки.

– Миссис Смит, я повторяю, я не хочу, чтобы мою дочь фотографировали. Я изо всех сил стараюсь проявить вежливость, и все же спасибо, но нет.

И она повесила трубку.

– Черт! – сказала Хетти.

Через три года, когда Дена достигла совершеннолетия, Хетти снова позвонила, и первая же профессиональная фотография Дены попала на обложку «Севентин». После чего ей предложили стипендию на обучение театральному мастерству в Южном методистском университете в Далласе. Дене там понравилось, но остаться она не осталась. После первого курса бросила учебу и устроилась работать на телестудию в городе Форт-Уэрт – объявлять погоду. Ей приходилось самой себя обеспечивать, и, несмотря на всю привлекательность театрального искусства, она быстро поняла, что деньги крутятся именно на телевидении, а в этом она была сильна с самого начала.

После одиннадцати месяцев работы она начала переходить из одной телестудии в другую, всякий раз в чуть более крупную, считая, что таким образом подбирается все ближе к Нью-Йорку. Дена спокойно переносила бесконечные переезды, она к этому привыкла. Ее мать ездила по всей стране с тех пор, как Дене стукнуло четыре. Дена хотела приобрести как можно больше опыта, а сколько раз придется ради этого сменить место жительства, ей неважно. Главное – быть готовой к тому моменту, когда придет успех.

Она работала в штате Арканзас, в Биллингсе, штат Монтана, потом в штатах Оклахома и Кентукки, опять в Биллингсе и, наконец, в Ричмонде, штат Вирджиния, где начала также с погоды, но затем была приглашена в местную утреннюю программу делать очерки о выставках произведений искусства, лошадей, собак, а иногда и брать интервью у знаменитостей, оказав-

шихся в городе проездом. Актрисе Арлин Френсис понравилось, как Дена справилась с интервью, и она обмолвилась об этом своим агентам. Сэнди Купер был молодым агентом, его работа заключалась в поиске талантливых девушек для телевидения. В тот момент набирало силу феминистское движение. Сэнди знал, что телекомпаниям стали отдавать предпочтение женщинам на экране и надобность в новой ведущей для очередной программы – только вопрос времени. Он хотел быть во всеоружии, когда настанет момент.

Однажды в воскресенье они с женой отправились в Ричмонд и остались ночевать, чтобы в понедельник посмотреть на эту Дену Нордстром в утренней программе. Увиденное ему понравилось. Красота Нордстром была достаточно своеобразной, но девушка обладала качествами, которые как раз пользуются спросом на телевидении. Острый ум, быстрая реакция и внешность «славной девушки из дома по соседству», с озаоряющей экран улыбкой. Плюс к этому она прошла главный, самый значительный для Сэнди тест. Она понравилась его жене Би, низкорослой, полной женщине, которая, как правило, не выносила красивых девушек. Единственное, что теперь оставалось выяснить, это достаточно ли у Дены Нордстром амбиций. Ответ был получен в первые же пять минут их встречи, и через час она подписывала бумаги в качестве клиента агентства Уильяма Морриса, одного из самых огромных и могущественных агентств страны. Спустя три месяца Сэнди услышал, что частной телекомпания в Нью-Йорке требуется ведущая для замены Нэнси Лэмб и получившая это место станет кандидатом на вечернюю программу. Он устроил Дене собеседование с Айрой Уоллесом, главой отдела теленовостей.

Дена прилетела из Ричмонда через несколько дней. Сэнди встретил ее у отеля. Он хотел пройти пешком, подготовить ее к разговору с Айрой Уоллесом, чтобы его выпады не сбили ее с толку. Даже до Ричмонда долетали слухи о непростом характере Уоллеса. Молодые таланты боялись его до ужаса, но Дена не беспокоилась. Ей почти не попадались мужчины, которых она не смогла бы очаровать. Дена была уверена, что готова к этой работе.

Доехав до нужного этажа, Сэнди назвал секретарю их фамилии. Из аппарата связи в ответ раздался нетерпеливый, громкий рык:

– Да?

– Пришли мистер Купер и мисс Нордстром, мистер Уоллес.

– Кто?

Секретарь повторил:

– Мистер Купер и мисс Нордстром. У них назначена встреча.

– Я не знаю, что это за типы. – И он отключил громкую связь.

Секретарь невозмутимо предложил посетителям присесть.

Дена взглянула на Сэнди:

– Ты уверен, что нам назначено?

– Да, он просто пытается тебя запугать. – Сэнди спокойно, как и секретарь, взял со столика журнал.

Дена села.

– Ну, ему это, в общем, удалось.

– Даже не думай волноваться. Он так со всеми поступает.

Сидя в приемной, они слышали, как Айра осыпает кого-то грязными ругательствами. Через тридцать пять минут он позвонил секретарю:

– Эти двое придурков еще здесь?

– Да, сэр.

– Гос-с-споди... ладно. Впусти их.

Дена встала:

– Это просто смешно. Я туда не пойду. Он даже не помнит, что назначил встречу.

Секретарь посмотрел на Дену:

– Он знал, что у вас встреча. Он просто говнюк. Заходите.

Дена неохотно поплелась за Сэнди. Тот легонько постучал в дверь. Было слышно, что Уоллес разговаривает по телефону, тем не менее он оторвался, чтобы заорать:

– Да входите же, мне что, целый день ждать?

Сэнди пропустил Дену вперед. Комната тонула в сигарном дыму. Уоллес, толстый лысый господин, как две капли воды похожий на морского окуня, наряженного в белую рубашку и черные пластиковые очки, сидел с сигарой в зубах за столом длиной в десять футов. Он не поднялся им навстречу, лишь бросил на нее беглый взгляд и продолжал орать в трубку, оставив их стоять. Они ждали, а маленький человечек с блестящей от пота лысиной все бранил и бранил того, кто находился на другом конце провода. Чем дольше на Дену не обращали внимания, тем больше она заводилась. Она чувствовала, как наливается краской лицо. Уж если Дена что-то и унаследовала от матери, так это гордость, она не позволит этой мелкой жабе оскорблять ее, как бы она ни жаждала получить эту работу.

В ту секунду, как Айра Уоллес положил трубку, Дена подошла прямиком к столу, перегнулась и вынудила его обменяться с ней рукопожатием.

– Здравствуйте, мистер Уоллес. Я Дена Нордстром. Очень рада с вами познакомиться. Нет-нет, пожалуйста, не вставайте. Мы присядем.

Уоллес таращился на нее, словно она свалилась с Марса.

Дена села и одарила его улыбкой:

– Итак, мистер Уоллес, расскажите немного о себе. Я люблю сначала узнать человека получше, прежде чем соглашаться у него работать.

Он посмотрел на Сэнди Купера, но тот был обескуражен не меньше. Уоллес вынул изо рта сигару:

– Что за... Это что, шутка?

Сэнди попытался исправить ситуацию:

– Э-э, мистер Уоллес, вы случайно не успели просмотреть присланные записи?

Не дав Уоллесу ответить, Дена бросила взгляд на свои часы и сказала:

– Ох, черт. Жаль, что не могу остаться. Я очень извиняюсь, мистер Уоллес, но, к сожалению, мне пора – опаздываю на другую встречу. – Она поднялась и снова пожала ему руку: – Всегда приятно познакомиться с таким очаровательным джентльменом с такими прекрасными манерами. Пока, Сэнди, созвонимся.

Оба мужчины с открытыми ртами глядели ей вслед. В ожидании лифта Дена сказала:

– Он свинья.

Секретарь, не поднимая глаз, ответил:

– Тоже мне новость.

Когда двери лифта закрылись и Дена осталась одна, она расплакалась.

Уоллес в кабинете орал на Сэнди:

– Она что, сумасшедшая? Ты тратишь мое время, приводя сюда психов? Что с ней такое?

– Простите, мистер Уоллес, даже не знаю, что стряслось. Она очень хотела получить эту работу, прилетела ради этой встречи.

– Ты уверен, что она не чокнутая?

– Да, да, она очень ответственный человек. Даже не знаю, что вам сказать... Хотя, возможно, вы заделли ее чувства или что-то в этом роде.

– Задел ее чувства?

– Она же с запада. А там народ обидчивый.

– Обидчивый? Ну так вот, придется ей избавиться от этой хрени, если она хочет на меня работать. Мне понравились записи, но я не желаю иметь дела ни с какими фифочками.

– Вам понравились записи? – переспросил Сэнди.

Уоллес пожал плечами:

– Потенциал у нее, похоже, есть, коли она не будет устраивать тут истерики.

– Нет, нет, уверяю вас, не будет.

– Не знаю, насколько она умна. Она может оказаться такой же тупоголовой дурой, как все прочие. Но вид у нее как раз такой, как нам нужен. Пышет здоровьем, мордашка сочная, как у фермерской дочки, и вместе с тем... да, стиль. Так что, вероятно, можно ее попробовать.

Сэнди спешно переключил скорость:

– В этом вы абсолютно правы, Айра. Потому-то я и привез ее вам, пока кто другой не перехватил. У нее не только красота, но и большой опыт – шесть местных телекомпаний, а в Ричмонде она была самой популярной ведущей.

– Да будь она хоть Мисс Америка, мне плевать, здесь она начнет с самого низа, она это понимает?

– Да, да, разумеется.

– Ее ждет много тяжелой работы. Мы дадим ей пятьдесят тысяч в год, причем в контракте будет оговорка об обстоятельствах, освобождающих, ежели что, от ответственности через тринадцать недель. Освобождающих нас, а не ее.

Сэнди подхватил:

– Прекрасно, прекрасно. И поверьте мне, она работы не боится. Она брала великолепные интервью.

– Ладно, завязывай с рекламой.

Сэнди поспешил ретироваться, пока Уоллес не передумал.

– И скажи своей принцессе на горошине, если она выкроит минутку в своем плотном графике, пусть тащит сюда свою задницу завтра утром.

Когда агент ушел, Уоллес про себя рассмеялся. Он принял решение взять Дену еще неделю назад, просмотрев записи. Они всему голова. Но ему нравилось наблюдать, как люди пугаются. Но эта не испугалась, швырнула ему ответ прямо в лицо. Не то что прочие, с влажными ладонями, которые целый день на цыпочках прокрадываются к нему в кабинет и на цыпочках его покидают. Возможно, эта девчонка – как раз то, что он ищет. Если у нее хватит ума делать то, что велят.

Сэнди помчался на работу и оттуда позвонил Дене в гостиницу:

– Это Сэнди. Дена, ты сидишь?

Дена принялась извиняться:

– Сэнди, прости. Я знаю, это было ужасно глупо, что еще сказать. Я не хотела подставлять тебя.

– Дена.

– Я знаю, как ты расстроен. Я тоже, честное слово. Но я лучше буду официанткой в забегаловке, чем позволю обращаться с собой так, будто я... ничтожество.

– Дена, послушай.

– Может, моя мать и небогата, но она растила меня не для того, чтобы какой-то жирный мутант оскорблял меня. Что он о себе возомнил?

– Дена, ты закончила?

– Да.

– Тебя взяли.

– Ага, как же, взяли, ври больше. Единственное, о чем я жалею, это что постеснялась сказать, куда он может засунуть свои...

– Дена, да послушай же! Я не шучу. Ему понравились твои записи. Тебя взяли на работу. Поначалу он дает тебе очень небольшую зарплату, но это значит, что тебя взяли.

– И я тебе вот что скажу: я не стану работать с этим человеком ни за какие миллионы. Как он вообще попал на телевидение!

– Ладно, Дена, он мерзкий, отвратный свин. Просто не принимай это на свой счет. Поверь, он со всеми обращается как с грязью. Важно, что работу ты получила.

Повисло молчание.

– Ты серьезно?

– Да. Он хочет, чтобы ты завтра пришла на собеседование.

– Ты шутишь.

– Нет, говорю же, ему понравились твои записи. Он считает, что в тебе что-то есть.

– Правда?

– Да.

– Без шуток?

– Без.

– Ага. – Она снова помолчала. – Сколько они собираются платить?

– Говорю, для начала не слишком много, но...

– Сколько?

– Пятьдесят тысяч.

– Не знаю, Сэнди, я должна подумать. Я перезвоню.

Сэнди сидел с телефонной трубкой в руке и не верил своим ушам. Он положил трубку и сказал в потолок:

– Это лучшее предложение в Нью-Йорке, а она еще думает.

Через десять минут она перезвонила.

– Сэнди, это Дена.

Он старался придать голосу спокойствие.

– Ну что, подумала?

– Да, подумала. Сэнди, я бы с радостью согласилась на пятьдесят тысяч. Но этот человек оскорбил меня, и теперь им придется платить мне вдвое больше.

Сэнди застонал.

– Ох, Дена, не поступай так со мной. У меня слабое сердце. Прошу тебя, пожалуйста... мои нервы... Пятьдесят тысяч – не так уж смертельно мало.

– Не в деньгах суть, тут дело принципа.

– Дена, ты не в том положении, когда можно позволить себе принципы. Подожди, пока не станешь звездой. Потом можешь иметь сколько угодно принципов. Поверь, сейчас не время отстаивать позиции. Тебе пока нечего отстаивать.

– Сэнди, если не сейчас, то я никогда не начну. Я не позволю, чтобы этому человеку все сошло с рук. И вряд ли смогу жить с собой в ладу, если буду знать, что стою большего.

– Дена, кто будет знать, сколько ты получаешь? Какой-нибудь зачуханный бухгалтер. Прошу тебя.

– Я буду знать.

– Дена, послушай. Это я агент. Это я должен убеждать тебя просить больше денег, а не наоборот, и я говорю тебе – соглашайся.

Сэнди разговаривал с ней еще двадцать минут, но Дена уперлась. Прежде чем повесить трубку, она сказала:

– И еще, Сэнди, я прошу, чтобы ты сказал ему, почему я хочу больше денег.

– Я думал, что тебе понравилась Би, – вздохнул Сэнди.

– Понравилась. При чем тут это?

– Тогда почему же ты пытаешься сделать ее вдовой? Айра убьет меня, если я ему позвоню с этой новостью.

– Ну, если ты не хочешь, тогда я ему позвоню. Я его не боюсь.

– Нет, нет, я сам. Разорви меня стая диких псов, но я ему позвоню.

Сэнди не дыша набрал номер Айры Уоллеса. Пять минут он слушал музыку в режиме ожидания ответа, и наконец раздался приветливый рык:

– Ну?

– Э-э, мистер Уоллес. Это Сэнди Купер.

– Чего тебе?

– Ну, у нас небольшая... проблемка с зарплатой.

– Ты о чем, черт подери?

– О ситуации с Деной Нордстром.

– Да ясно, давай к делу. Что?

– В общем, она считает, что ей нужно чуть больше, а то Нью-Йорк город дорогой... и все такое.

– Ты хочешь сказать, что твоя припадочная, черт ее дери, клиентка требует повысить зарплату, даже не приступив к работе? Ты что, спятил? И сколько же она хочет, господи прости?

Сэнди набрал побольше воздуха в легкие.

– Сто в год.

Уоллес взвыл:

– Гуд-бай, придурок! – и брякнул трубку.

Сэнди весь день просидел рядом с телефоном, лелея безумную надежду, что Уоллес ему позвонит.

Уоллес хотел, чтобы Сэнди перезвонил сам.

В пять тридцать вечера Сэнди позвонил Дене, умоляя передумать, но она не согласилась.

В шесть ноль пять Сэнди схватил трубку. На том конце провода был Уоллес.

– Ладно, поц, семьдесят пять, окончательно, бери или проваливай. У тебя пять минут!

Сэнди мгновенно набрал номер Дены и затараторил:

– Дена, это я. Прежде чем что-то скажешь, выслушай. Я хочу, чтобы ты подумала, что ты делаешь. Отбрось частности. Подумай, к чему это может привести. Помни, ты молодец, и когда-нибудь ты станешь звездой телевидения, ясно?

– Ясно. Я слушаю.

– Я поверить не могу, но он перезвонил. Только пообещай мне...

– Сколько он предложил?

– Семьдесят пять, окончательно. Но подумай о своей...

– Я согласна.

– Что?

– Хорошо, говорю, согласна.

– Согласна? Вот так запросто? Ох, бедные мои нервы. Ты спасла меня от инфаркта, который не хватил меня только потому, что не успел. Я сейчас перезвоню.

Он перезвонил и без вступления выпалил:

– Дена, порядок. Ты не представляешь, как я весь день психовал.

– Ты один психовал, что ли? Меня с утра наизнанку выворачивает.

– Ты хоть понимаешь, насколько мы были близки к тому, чтобы все провалить? Если говорить начистоту, я не думал, что он перезвонит.

Дена засмеялась:

– Я тоже.

– На этот раз тебе повезло. Но обещай мне больше никогда не играть в русскую рулетку со своей карьерой. Идет?

Дена снова хмыкнула:

– Идет, обещаю.

– погоди, я звоню Би по другой линии. Она целый день жгла свечи.

Дена подождала, пока он переключится на нее.

– Би шлет свои поздравления. А еще сообщает, что я веду вас обеих в ресторан. Куда хочешь пойти? Выбирай.

– В «Двадцать одно», – сказала Дена.

– В клуб «Двадцать одно»?¹⁰

– Да, давай туда ходим.

– Сомневаюсь, что получится. Это вроде как закрытый клуб. Да и вряд ли можно сразу заказать стол. Как насчет «Сарди»?¹¹

– У нас уже заказан столик в «Двадцать одним».

Сэнди охнул:

– Как тебе это удалось?

– А у меня приятель там работает. Я ему сказала, что сегодня у нас праздничный ужин.

– Откуда ты знала, будет нам что праздновать или нет?

Дена засмеялась:

– Я не знала. Но все равно хотела побывать там.

– Ты в Нью-Йорке двадцать четыре часа и уже обзавелась приятелем?

– Ну, вообще-то мы вчера в самолете познакомились. Он сказал – звони, если понадобится. Я и позвонила.

Повесив трубку, Сэнди долго не мог прийти в себя от удивления. Он всю жизнь провел на Манхэттене, а Дена на следующий день после прибытия уже ведет его в места, где он никогда не бывал. И все же он беспокоился, как она приживется в Нью-Йорке. Слишком уж она хорошая. Может, все и сложится. Но Нью-Йорк – город жестокий, полный безжалостных типов, которые только и ждут, чтобы ободрать тебя как липку. Успех здесь может навлечь беду. Он взглянул на заголовок первой полосы районной газеты, положенной на стол секретаршей. В последнее время, будь ты трижды хорошим и даже известным, это тебе не поможет. Споткнешься один раз – и все, репутация навсегда загублена. Только поглядите, что случилось с Артуром Роземондом. Бедняга.

¹⁰ Клуб «Двадцать одно» – один из наиболее знаменитых и оригинальных ресторанов и ночных клубов Нью-Йорка. Залы на несколько этажей оформлены в старинном стиле. Славится своей кухней. Часто посещается деятелями театра и кино.

¹¹ Легендарный «Сарди» в сердце театрального Нью-Йорка всегда был не только рестораном, но и клубом, где встречались актеры, режиссеры, продюсеры.

Хороший человек

Нью-Йорк

1968

Артур Роземонд родился в Норвегии и в семнадцать стал одним из лидеров подпольного движения во время Второй мировой войны. В 1942-м его арестовали и отправили в концлагерь в Германию, но через два года ему удалось бежать. После войны приехал в Америку, получил звание магистра политических наук в университете Джорджтауна и к тридцати девяти годам написал три книги. Три года прослужил специальным советником министра иностранных дел и в возрасте всего сорока двух лет получил пост в ООН, где в течение последних одиннадцати лет был основным инициатором мирных переговоров и ездил по всему миру. Два года назад получил Нобелевскую премию мира.

В личной жизни Роземонд слыл человеком со странностями, ибо, будучи счастливым в браке, имел столько же друзей-женщин, сколько и мужчин. Он получал искреннее удовольствие от общения с женщинами, удивляясь их проницательности и наблюдательности. Одной из них была Памела Лейтроп. Они были хорошими друзьями, когда она была замужем, и остались друзьями после ее развода. Роземонд ценил ее острый ум и всегда спрашивал ее совета в особо сложных ситуациях на переговорах. Они часто обедали вместе, иногда в компании его жены или друзей, а иногда и вдвоем. Сегодня был как раз такой случай. У Роземонда возникли трудности с новым представителем Франции. Ему требовалась его поддержка по нескольким предстоящим вопросам, но пока не складывалось. С предыдущим послом Франции они прекрасно сработались, да и сдружились, но этот новенький был другого поля ягодой.

Артуру надо было попытаться раскусить его, сблизиться с ним в нормальных условиях, когда вокруг не вьется народ, и он призвал на помощь Памелу. Та славилась своими зваными обедами, приглашений на которые никто никогда не игнорировал. Вот и французский дипломат не отказался. Должны были присутствовать только Артур с женой, посол с женой и Памела. Артур хотел, чтобы Памела присмотрелась к послу. Она видела людей насквозь и оценивала их намного точнее, чем он. За три часа до обеда жена Артура позвонила Памеле:

– Пэм, это я, Беверли. Слушай, скажи честно, если я сегодня не приду, ты возьмешь пистолет и застрелишь меня?

– Да нет, конечно.

– Прости, что так поздно сообщаю, но я падаю от усталости. С семи утра вкалывала в саду вместе с садовниками. Представь, надо было им именно сегодня заявиться с новыми саженцами. В результате я вся перемазалась как чушка и, пока приму ванну, да оденусь, да доеду, все равно наверняка опоздаю. Как думаешь, Артур очень огорчится?

– Да нет же, что ты. Не беспокойся, я ему скажу, а ты прими горячую ванну и отдохни.

– Ты просто ангел небесный. Я тебе этого не забуду, клянусь.

Честно говоря, Памела не возражала. Она знала, что Беверли, которая моложе Артура на шестнадцать лет, обожает его, но терпеть не может все эти встречи, предпочитая посидеть дома с детьми и почитать хорошую книгу. Памела не могла ее винить за желание увильнуть от званого обеда. Судя по рассказам Артура, советник с женой вовсе не были, что называется, веселой парижской парочкой, и он оказался прав.

Тем не менее обед прошел сносно, и Памела, старательно изображая любезную хозяйку, краем глаза наблюдала за невысоким человеком и его коренастой женой. Когда вечер закончился, она закрыла за ними дверь и вернулась в гостиную, где ее дожидался Артур.

– Ну что ж, – сказала она, – теперь я понимаю, что ты имел в виду.

– Говорю тебе, я ни так ни эдак не могу добиться прямого ответа. Увиливает.

Памела закурила.

– Да ты от него серьезного ответа вовек не услышишь. Он не принимает решений.

Артур кивнул:

– Именно так я и подумал. Просто хотел, чтобы ты подтвердила мою догадку.

– Абсолютно верно, этот человек в жизни не родил ни одной оригинальной идеи.

Артур улыбнулся и вдруг скривился от боли. Памела взглянула на него:

– Что случилось?

– Не знаю, должно быть, несварение. – Артур пытался ослабить галстук; казалось, ему не хватает воздуха.

Памела увидела, что он весь в испарине.

– Что за... Ты что, заболел?

– Как-то в животе... нехорошо.

Тут его скрутил второй приступ боли, и он упал.

Памела вскочила, пыталась его подхватить, но не успела. Помчалась в кухню и позвонила вниз швейцару, что нужна помощь. Бегом вернулась в гостиную и нашла Артура без сознания. Она набрала 911, села рядом, сняла с него галстук...

Когда вбежал швейцар, Памела была в полном отчаянии. Пульс у Артура не прослушивался.

Поверьте мне

Нью-Йорк

1968

Сидни Капелло был нервным с рождения. Сегодня он мерил шагами свою комнатуху в дешевой ночлежке на перекрестке Сорок восьмой и Третьей, волнуясь еще больше обычного. Что-то шло не так. Сидни, будучи внештатным репортером, сделал себе имя в определенных кругах, получая информацию частного порядка о разных знаменитостях. Он платил информаторам, которые, таясь по глухим закоулкам, щелям и темным углам, оплели Нью-Йорк гигантской паутиной. Богатые и знаменитые и шага не могли ступить без того, чтобы об этом так или иначе не узнал Сидни. Но в последнее время его агентура стала давать осечки. Армия доносчиков подозрительно помалкивала. Фабрика слухов и сплетен, которая некогда выплевывала прибыльную грязь двадцать четыре часа в сутки, внезапно рассыпалась в прах. Люди в последнее время то ли вести себя стали пристойно, то ли осторожничать начали. Нынче вечером Сидни всех их ненавидел. Они не давали ему заработать, хоть у самих денег полные карманы. Мелочные, жадные, неблагодарные людишки, все как один. Пусть он незаконно получал некую сумму от одной из нью-йоркских газет и от двух самых крутых обозревателей светской хроники, ничто его так не раздражало, как необходимость платить деньги впустую. Сидни от этого буквально трясло. Хорошего, сочного скандала не было уже больше двух месяцев. Ни единой, даже самой заваливающей, пикантной новости. Сидни места себе не находил, просто извелся от бессонницы. Он до зуда жаждал хоть какой-нибудь новости, из которой можно выжать историю. И около часу дня зазвонил телефон.

Это была Мэри из «Скорой помощи» Мидтауна¹². Она только что получила вызов в «Бикман Тауэрс», комната 107. Сидни вылетел на улицу быстрее, чем пожарный соскользнул бы по пожарному шесту.

Сидни никогда не был бойскаутом, но слова «всегда готов» стали его девизом. Около двух тысяч долларов наличными, маленькая немецкая фотокамера с прекрасным объективом и копии разрешений на публикацию в кармане. Он не мог себе позволить ни минуты промедления, учитывая, сколько юных ловкачей рыщет по городу, пытаясь его обставить. Сидни охватило возбуждение. «Бикман Тауэрс» – привилегированный отель в Ист-Сайде¹³, рядом со зданием офиса ООН, и практически о каждом тамошнем жилье можно состряпать материальчик. На крыльях адреналина Сидни влетел в здание отеля, сразу за медицинской бригадой, умудрился проскочить мимо охраны и вскоре стоял на пороге 107-й, глядя, как врачи суетятся над человеком, без сознания лежащим на полу. Сидни достиг совершенства в искусстве проскальзывания незамеченным. Три года он проработал частным детективом, в основном по бракоразводным делам, это стало хорошей практикой. Ему было проще всего работать среди убитых горем людей – любимый конек Сидни. И покуда медики пытались спасти пациенту жизнь, Сидни, не привлекая к себе внимания, под шумок нащелкал с десятков снимков и выяснил, что за человек лежит на полу и у кого он был в гостях. Сидни едва не приплясывал от радости. Бог-то, видать, все ж таки существует! Вот это везуха! Завтрашние кричащие и вопящие заголовки – он нутром чуял – прямое попадание, гоооол! Артур Роземонд оказал Сидни огромную личную услугу, скончавшись от инфаркта в квартире женщины, которая не была его женой.

Миссис Памела Лейтроп III, светская леди и бывшая жена мультимиллионера Стенли Лейтропа III, недавно избранного губернатором Нью-Йорка. Сидни частенько улавливал слабые намеки про миссис Лейтроп и посла, но никак не мог застукать их с поличным. До сего-

¹² Мидтаун – часть Манхэттена.

¹³ Ист-Сайд – восточный (беднейший) район Нью-Йорка.

дняшнего дня. Эх, как же славнo-то – вернуться в игру! Нужно побольше имен и фотографий. Уже есть снимок квартиры, швейцара, но главное – вот что деньжищ принесет немерено – он умудрился заснять крупным планом лицо мертвеца, когда того проносили мимо на носилках. Единственное, чего не хватает, – это фотографии самой миссис Лейтроп, но, может, в закромах газеты отыщется. Они хранят снимки всех важных персон на случай внезапной смерти или внезапного позора, смотря что стряется первым.

Сегодня Сидни король, властелин мира. Он сумел выхватить добычу прямо из-под носа прочих несчастных подонков и теперь драпал с ней прочь. Не успела «скорая» доехать до больницы, а Сидни уже звонил из холла гостиницы и, прикрывая трубку рукой, торговался с редактором по поводу того, сколько получит за материал и снимки. Подняв гонорар до максимума, редактор потребовал, однако, больше, чем голые факты.

– А что у тебя еще за душой? Мне нужны интимные подробности, показания свидетелей... Сможешь достать? У тебя кто-нибудь есть?

Сидни лихорадочно соображал. Он заметил швейцара, которого перед этим уже опросил, – тот разговаривал с жильцами.

– Швейцар говорит, что первым попал в квартиру. Может, он и мог бы с нами чем-нибудь поделиться – за плату.

– Ладно. Главное, добудь что-нибудь. Узнай, в чем была дамочка, одеты ли они были, где он их нашел – в постели?

– Он утверждает, что в гостиной.

– Тогда намекни ему, насколько дороже станет история, если он вспомнит, что обнаружил их в кровати.

– До какой цифры можно дойти?

– До полутора, главное – добудь факты.

Сидни, не сводя глаз со швейцара, сказал:

– Добуду. Не волнуйся. Разве я тебя подводил?

– И еще, Сидни... Заставь его подписать. Мне надо прикрыть задницу. Я не стану это использовать без подписи.

– Ладно, понял.

Сидни раскрыл блокнот и подошел к швейцару:

– Мистер О'Коннелл, мы не могли бы поговорить наедине? Это очень важно.

– Да, сэр.

Швейцар последовал за ним, и Сидни на миг сунул ему под нос фальшивое удостоверение от «Нью-Йорк таймс».

– Мистер О'Коннелл, мой босс ждет у телефона, а мне необходимо перепроверить несколько фактов, убедиться, что я все понял правильно. Вас зовут Майкл О'Коннелл, и вы первым прибыли на место происшествия, верно?

Швейцара, крупного рыжеволосого господина в униформе, до сих пор трясло.

– Да, сэр. Все верно. Я находился в холле, когда позвонила взволнованная миссис Лейтроп, кричала в трубку, что ей нужна помощь.

– А что было потом?

– Ну, сэр, я помчался со всех ног, приехал на этаж, гляжу, дверь в номер открыта, я вбегаю...

Сидни поднял руку:

– Подождите. Давайте уточним. Значит, дверь была открыта и вы побежали прямо в спальню.

– Нет, сэр, дело происходило в гостиной, там я увидел мистера Роземонда, лежащего на софе.

Сидни поднял на него удивленный взгляд:

– В гостиной? А раньше вы говорили – в спальне. Вы уверены, что они были уже не в спальне?

Швейцар мрачно посмотрел на него:

– Нет, сэр, ничего я не говорил про спальню. Итак, я помог миссис Лейтроп уложить его поудобнее.

– Погодите. – Сидни проверил свои записи. – Да, вот. Вы сказали, что дверь спальни была широко открыта и вы вбежали туда.

– Что-то не припомню, чтобы я такое сказал... Но они точно...

– Понимаю, но дверь спальни была открыта, правильно?

– Не заметил. Может, и была, но я не помню, сэр.

Сидни сочувственно улыбнулся:

– Ну конечно, не можете же вы держать в голове все подробности, поди все упомни. Представляю, как расстроена была миссис Лейтроп.

– О да, сэр, ужасно!

– Что она говорила?

– «О господи» говорила. «О боже». Все такое прочее.

– Понимаю, да, когда люди огорчены, у них в голове все путается. Черт, даже смешно ожидать, что они запомнят каждую мелочь, правда? Позвольте вот что спросить. Существует ли хотя бы мизерная вероятность, что он находился в спальне и открытая дверь, которую вы помните, была дверью в спальню? Возможно ли, что в волнении вы запомнили? Ошибиться в такой ситуации может всякий.

– Опять вы об этом. Почему? Я бы о таких вещах лгать не стал. Мы с миссис Лейтроп стащили его с софы, и она ослабила ему галстук – это я помню. Не верите мне – спросите миссис Лейтроп.

Сидни отшатнулся:

– Ой, не стоит ее сейчас беспокоить. Вероятно, она так расстроена, что и не вспомнит, был он в спальне, в гостиной или где-то еще. Вы даже можете не помнить, что вбежали в спальню, люди постоянно в таких вещах путаются. Я в таких случаях их прикрываю и...

Нет, он слишком давил. О'Коннелл напрягся.

– Слушайте, я не пойму, чего вы добиваетесь, но он был в гостиной, и точка.

– Эй, да ладно, ладно. Пусть будет по-вашему. Как скажете.

Затем он вздохнул, покачал головой и медленно закрыл блокнот:

– Очень, очень жаль, что вы не помните. Вы ведь первым оказались на месте события. Но, поверьте, мне это совершенно не важно. Просто мой босс жаждет вручить первоисточнику приличное вознаграждение – у него открыт специальный счет для свидетелей. У вас дети есть?

– Дети? Да, сэр, шестеро.

– Так я и думал. Черт, жаль, что они столько потеряют. Тысяча долларов – ба-а-альные деньги. Мне просто жутко обидно, что они вам не достанутся.

– О чем это вы толкуете? – Швейцар нахмурился.

Сидни огляделся и понизил голос:

– Толкую я о тысяче долларов. Без налогов. Они у меня прямо тут, в кармане. Будут ваши, если пожелаете.

Швейцар явно смутился.

Сидни окинул быстрым взглядом холл и предложил:

– Давайте отойдем на минутку. – Увел швейцара за угол, повернулся спиной и отсчитал десять новеньких стодолларовых купюр – небрежно, будто это замусоленные карты. – Вот, держите. Вы нашли его в спальне, ну и что? Какая теперь, к черту, разница? Мужик-то мертв, господи прости, ему уже все равно.

Швейцар не отрываясь смотрел на деньги. Потом сказал:

– Но он был хорошим человеком. И лежал в гостинной.

Сидни почуял, что добыча уплывает.

– Послушайте, мой босс готов поднять сумму до тысячи двухсот.

И тут Сидни увидел то, чего так ждал, ради чего старался: испарина выступила на лбу швейцара.

– Ай, ладно, какого черта. Честно говоря, я знаю, что он готов поднять до полутора. Вы оказались в выгодном положении, друг мой, – единственный свидетель. Вы держите его за яйца. Это куча денег, вы не можете себе позволить от них отказаться. Бросьте, не будьте болваном. Вы что, не найдете куда потратить такую сумму?

– Не в том дело, что не найду куда потратить. – Швейцар достал платок, снял фуражку и вытер лоб. – Просто вряд ли смогу так солгать.

– Черт, да это же вовсе не ложь. Вы просто не помните, может, все так и было, откуда вам знать. К тому же вы никому не доставите неприятностей. Кому от этого будет плохо-то?

– Нет, вряд ли. Не смогу я взять деньги за то, чего...

– Ну что ж, жаль, черт возьми, жаль. Я разбиваюсь в лепешку ради вашего же блага, а вы слишком тупы, чтобы оценить мои старания. Не говорите, что я не пытался.

Сидни спрятал деньги в карман, очень медленно, и пошел прочь от швейцара. Потом остановился, мгновение постоял и вернулся:

– Слушайте, не знаю, почему я это делаю, но я скажу вам то, что может стоить мне места, понимаете? – Он покосился по сторонам и заговорил словно бы доверительно: – В общем, дело в том, что вы не слишком-то и нужны моему боссу. Он все равно напишет так, как ему вздумается, и подтвердите вы или не подтвердите, ему насрать. Мне-то что, хочет отдать свои деньги – пусть отдает, мне только обидно, что вы не воспользуетесь таким шансом... не для вас, для ваших детей. Не будьте дураком. У него денег этих до хрена, он их даже не заметит. Давайте, берите.

Швейцар с трудом проглотил ком в горле.

– И что я должен сделать?

– Ничего, в том-то вся и прелесть – ничегошеньки. Просто подпишите бумажку, в которой говорится, что вы отдаете нам эксклюзивное право публиковать ваши показания. Никакой записи о деньгах там не будет, налога с них не возьмут. Это просто для того, чтобы другие газеты вас... не беспокоили. Это для вашей же безопасности, не только для нашей.

Сидни залез в карман и снова вытащил деньги.

– А, какого черта, берите две тысячи. Скажу ему, что вы меня вынудили поднять ставку. Он же не узнает, правда?

Швейцар словно бы потянулся уже к деньгам, но вдруг замер и шагнул назад:

– Нет, не могу. Я после этого не смогу смотреть в глаза миссис Лейтроп, а она замечательный человек.

Сидни ничуть не растерялся.

– Понимаю. А зачем вам? В смысле, смотреть ей в глаза. Мой босс устроит вас на работу в любое здание в этом городе. Черт, да он сам хозяин штук двадцати домов. Я объясню ситуацию. Он переведет вас на ту же зарплату, даже, может, чуть выше. У него есть сердце; говорю вам, он человек благородный. Помните, он мог бы вам и не платить.

Пот уже всюду струился по вискам швейцара.

– Давайте сделаем так. Он даже имени вашего упоминать не будет. Я напишу просто «не вызывающий сомнений свидетель», договорились? Так вам будет легче?

– И там не будет моего имени?

– Слово даю. – Сидни взглянул на часы: – Слушайте, приятель, не хочу вас торопить, но мое время вышло. Пора бежать. Да или нет?

Швейцар не двигался. Сидни сунул ему деньги:

– Вот, держите! Я не позволю вам упустить шанс. – Он втиснул купюры ему в руку. – Кладите в карман, подписывайтесь, и я ушел, вы богаты, и никто не пострадал.

Швейцар как в тумане взял ручку.

– Если вы не собираетесь использовать мое имя, почему я должен подписывать?

– Да это ерунда, даже не берите в голову, это сугубо между нами. Мы обязаны соблюдать правила, таков закон. Этого никто даже не увидит. Вам абсолютно не о чем волноваться. Поверьте, я бы не стал морочить вам голову.

Пока швейцар подписывал, Сидни говорил без умолку:

– Вы еще благодарить меня будете. Работяги должны друг друга поддерживать, верно? Верно говорю?

Едва была дописана последняя «л» в слове «О’Коннелл», Сидни схватил бумагу и был таков, бросив через плечо:

– Спасибо, друг, не пожалеешь!

Швейцар крикнул:

– А вы уверены, что не...

Но Сидни был уже за дверью. В кабинете он вручил редактору подписанную бумагу:

– Вот, есть. Но это было непросто. Жадный ублюдок выжал из нас две с половиной.

Редактор открыл ящичек и достал наличные.

– Если я выясню, что швейцара по фамилии О’Коннелл не существует, ты покойник, Сидни.

Сидни принял оскорбленный вид.

– Так ты мне не веришь? Да за такой материал я мог бы тебя и на три нагреть. Думаешь, я пытаюсь тебя ограбить? Ты же мне все равно что отец родной.

Редактор махнул на него рукой:

– Да, да, как же, катись отсюда, пройдоха.

Сидни засмеялся и вышел. Он был слишком возбужден, чтобы идти домой спать, а потому заглянул в парочку баров, так что солнце поднялось уже довольно высоко, когда он добрался до своего отеля. Сегодня мир не казался ему плоским. Он заметил даже цветы на подоконниках. Неужели они всегда там стояли? До кровати он добрался вконец вымотанным и моментально уснул.

Не прошло и трех минут с того момента, как заснул Сидни Капелло, а из багажников автомобилей по всему городу начали доставать толстые пачки газет. Было почти слышно, как вопят заголовки с тротуаров. Для некоторых читателей из числа друзей и родных двух замешанных в деле сторон заголовки и фотографии казались такими же гадкими и бессердечными, как человек, выставляющий напоказ свое хозяйство перед ребятами на детской площадке. Для других – посторонних, спешащих мимо на работу, – заголовки были просто частью утреннего моциона, который приносит легкое удивление, бодрость и энергию, как чашечка крепкого кофе, помогающая начать день.

РОЗЕМОНД СКОНЧАЛСЯ В ЛЮБОВНОМ ГНЕЗДЫШКЕ

Лауреат Нобелевской премии мира и посол Соединенных Штатов Америки Артур Роземонд внезапно скончался вчера вечером в постели своей давней любовницы, миссис Памелы Лейтроп, известной всем бывшей жены губернатора Стенли Лейтропа.

Майкл Джей О’Коннелл, швейцар шикарного отеля «Бикман Тауэрс», поведал в эксклюзивном интервью нашему репортеру, что вчера вечером, около 10.40, ему поступил срочный вызов из апартаментов миссис Лей-троп.

Когда он подошел к номеру, дверь была открыта, и он вбежал в спальню, где обнаружил полураздетую миссис Лейтроп, она в истерике склонилась над распростертым Роземондом, сказал О'Коннелл.

О'Коннелл утверждает, что Роземонд был частым гостем в «люксе» госпожи Лейтроп. О'Коннелл, до сих пор не пришедший в себя после разразившейся ночью трагедии, свидетелем которой он стал, печально качает головой: «Он был хорошим человеком, но, видимо, пошел по пути, по которому были бы не прочь пойти многие мужчины».

Жену Артура Роземонда застали дома в Раунд-Ридж, Нью-Йорк, и сообщили о смерти мужа.

Перемена

Нью-Йорк

1973

Дена проработала в небольшой частной телекомпанию в Нью-Йорке три долгих года. Улыбалась и кивала приглашенным в студию мужчинам с дурацкими начесами на лысынах – гостям утренней передачи; брала интервью у авторов книг о том, как растить ребенка, украшать дом или готовить, – тогда как эти три темы не вызывали у нее абсолютно никакого интереса. И в конце концов она добилась чего хотела – ее пригласили вести утреннее шоу на центральном телевидении. Перемена оказалась едва заметной. Она все так же сидела, улыбалась и кивала мужчинам с начесами и брала примерно такие же интервью, что и раньше.

О такой работе большинству женщин остается только мечтать, и большинство были бы вполне довольны. Но Дена положила глаз на новую программу вечерних новостей длиной в целый час, которую продюсировал ее прежний босс Айра Уоллес. Как и предсказывал Сэнди, с годами на телевидение начали давить, требуя побольше женщин в эфире. Вскоре Сэнди уговорил работодателей позволить Дене брать интервью для вечерней программы. И хотя эти интервью служили просто вставками между серьезными новостями, она хорошо справлялась и знакомилась с интересными и важными людьми.

Но и через год Дену по-прежнему считали не более чем хорошенькой девушкой, которая может заполнить паузу и поболтать в эфире о какой-нибудь чепухе. Ни Уоллес, ни другие продюсеры были не готовы доверить женщине серьезное, тяжелое интервью о действительно важных вещах. И Дена понимала, что если хочет чего-то достичь, то должна сама найти интересного человека и сделать с ним материал.

Несколько недель она потратила на поиски и в один прекрасный день нашла такого человека. Все подозревали, что, когда сенатор Орвилл Босли сменил политическую партию и стал демократом, он готовился к чему-то большому, возможно, намеревался стать вице-президентом. Пресса умирала от любопытства. Репортеры тщетно пытались до него добраться, но Босли был на удивление осторожен и не давал интервью. После уотергейтского скандала политики стали относиться к репортерам крайне недоверчиво. Но, к счастью для Дены, Босли считал себя «подарком для женщин». Дена же не сомневалась, что справится с этой самовлюбленной напыщенной задницей.

Узнав, что Босли собирается на прием в честь новоизбранных сенаторов и конгрессменов от Демократической партии в гостинице «Шорхэм» в Вашингтоне, Дена села на поезд, рассчитав так, чтобы приехать к вечеру, через час после начала церемонии. Она прибыла на прием одна, в длинном черном платье с разрезом сбоку, зная, что ноги и волосы – главные ее козыри. Единственным украшением было золотое кольцо. Она не хотела быть похожей на сенаторскую жену.

Босли стоял в углу зала, окруженный, как водится, группой мужчин в одинаковых костюмах и галстуках. Эдакий самец, раздувающийся от чувства собственной важности, он разглагольствовал о торговой политике, когда их взгляды встретились.

Стоя в дверях, Дена выдержала паузу, достаточную для того, чтобы смолкли разговоры, и затем направилась сквозь толпу напрямик к Босли. Люди расступались, как Красное море перед Моисеем, и Дена без помех прошествовала прямо к сенатору. Волосы ее были зачесаны на одну сторону и, когда она, заговорив, слегка повернула голову, упали на лоб, привлекая его внимание. Дена посмотрела Босли в глаза, улыбнулась и сказала:

– Итак, сенатор, я слышала, мы с вами курим один сорт сигарет.

Через три недели он сидел напротив нее в студии, с микрофоном на воротнике, готовясь дать свое первое интервью с тех пор, как сменил партию. Айра Уоллес был под впечатле-

нием, а все дикторы-мужчины – в ярости от того, что именно Дене удалось заарканить такую добычу, и от души надеялись, что она ударит в грязь своим скандинавским личиком. Но сидящие у экранов телезрители не видели, как смотрят на Дену оставшиеся за кадром люди, и не знали, что вся эта публика в напряжении глядит на нее, будто она вот-вот выпрыгнет из окна высотки. Телезрители видели совсем другое – приятное молодое лицо женщины в аккуратном черно-белом шерстяном костюме, огромные, ясные синие глаза и персиковую кожу. Женщина держалась столь спокойно и уверенно, будто болтала со старым приятелем у себя в гостиной. Она улыбалась гостю, ловила каждое его слово. Когда он стал рассказывать о том, как рос во времена Великой депрессии и как ему приходилось круглый год питаться блинами, она сочувственно улыбалась. Она зачитала пару фраз из воспоминаний его школьного учителя: «Орвилл всегда был лидером, даже в детстве. Я знал, что его ждет большое будущее». Они посмеялись над появившейся на экранах фотографией малыша Орвилла в порванном детском комбинезончике. И после того, как гость окончательно расслабился, она сказала с улыбкой:

– Сенатор, говорят, что, хотя вы и стали демократом, ваша избирательная программа... скорее напоминает программу консервативного республиканца. Не думаете ли вы, что было бы честно сообщить вашим избирателям-демократам, что, несмотря на смену партии, ваша позиция осталась прежней?

Босли был пойман врасплох. Он-то рассчитывал продолжать разговор о том, в какой нищете прошло его детство и как он работал, учась в колледже, – собирал хлопок и рыл канавы.

– Ну... э-э... – начал он запинаться и заикаться, – думаю, такое суждение абсолютно беспочвенно. Все, кто знает меня и мою программу...

Дена наизусть вызубрила его избирательную программу. Она откинулась на стуле и стала цитировать его тезисы, пункт за пунктом. Она подготовилась к этой встрече при помощи команды «исследователей» – помощников Айры Уоллеса. Она разбивала вдребезги все его оправдания с эффективностью пулемета. Надежды мужчин-репортеров на ее провал медленно таяли. Программа Босли опровергала все сказанные им только что слова. Дена разгромила его в пух и прах и сделала это в самое горячее телевизионное время, на центральной программе.

Это была ходьба по канату. Ей следовало не просто хорошо выглядеть и очаровывать, но, имея под рукой факты, притворяться, что для нее они такой же сюрприз, как и для всех прочих. И Дена справилась с этим, в прямом эфире.

После объявления режиссера «Передача закончена» у Дены было ощущение, будто она успела забить гол в последнюю минуту матча.

Пока довольные Айра Уоллес и Сэнди с поздравлениями провожали ее к выходу из студии, она оглянулась на Босли. Взгляд был мимолетный, но этого мига хватило, чтобы увидеть его лицо. Он сидел совершенно раздавленный тем, что сейчас произошло.

Неделю спустя, прочитав, что после интервью Босли вряд ли наберет достаточное количество голосов для избрания на второй срок, не говоря уж о том, чтобы выставить свою кандидатуру на пост вице-президента, Дена испытала чувство вины. Она вдруг осознала, что натворила, и окончательно убедилась, насколько могущественная штука – телевидение. Но было уже поздно. Назад дороги нет. Нужно двигаться только вперед. Айра намекнул, что если Дена правильно разыграет свою партию, то через год или около того станет первой женщиной, которой предложат вести одну из вечерних программ.

Дена явно была на взлете. Но за это и ей, и Босли пришлось заплатить свою цену. Его карьера рухнула, а Дена стала просыпаться по ночам от страшных болей в животе.

Вопрос для Мэкки

Элмвуд-Спрингс, штат Миссури

1973

Тетя Элнер была пухленькой фермершей, мягкой, как подушка, с милой улыбкой ребенка. Волосы у нее поседел, но глаза и улыбка остались молодыми. И пахла она всегда как свадебный торт – эффект, получаемый благодаря пудре «Кашемировый букет» и одеколону «Дороти Грей» для жаркой погоды, которым она пользовалась даже зимой, и весь ее дом пропах сладким ароматом. Собственных детей у нее не было, но она детей любила, а они любили ее. Каждую Пасху она вырезала из картона большие кроличьи лапы, присыпала их тальком и оставляла на полу следы – словно пасхальный кролик заскочил к ней через парадный вход, проскакал по всему дому и выскочил из двери черного хода. Все окрестные ребяташки приходили, чтобы найти маленькие пасхальные корзинки, которые кролик, по ее словам, оставил для них.

Было одиннадцать утра, Норма размышляла, что приготовить на обед, когда позвонила тетя Элнер.

– Мэкки дома?

– Да. В саду.

– Попроси его, пожалуйста, к телефону, дорогуша.

– Хотите, чтобы он зашел?

– Нет, крикни, чтобы взял трубку. Я подожду. Мне надо спросить у него кое-что важное.

– Ладно.

Норма подошла к двери в сад и позвала Мэкки, копавшего червей на грядке.

– Мэкки, тебя к телефону.

– Кто?

– Тетя Элнер.

– Скажи, я через минуту перезвоню.

– Она хочет, чтобы ты сейчас взял трубку.

– Узнай, что ей нужно.

– Тетя Элнер, он просит узнать, что вы хотели.

– Ну... Я хотела у него кое-что спросить.

– Хорошо. Подождите. Мэкки, ей нужно спросить у тебя кое-что, срочно.

– Ладно.

Мэкки встал и отряхнул от земли руки. Вошел в кухню и направился к телефону. Норма преградила ему путь:

– Мэкки, вымой руки. Мне не нужны микробы на трубке!

Он подошел к раковине.

– Что она хочет, не знаешь?

– Нет. Но похоже, вопрос срочный. – Норма оторвала кусок бумажного полотенца и протянула ему: – На, вытри.

Он вытер руки и взял трубку:

– Привет, тетя Элнер, как дела?

– Норма рядом? – спросила тетя Элнер.

– Да.

– Так, не подумай ничего плохого, но мне нужно, чтобы ты пришел и посмотрел, что мне прицепили на дверь, и сказал, что ты об этом думаешь.

– Хорошо.

– И погляди, нет ли чего у тебя на двери, а если есть, оторви, чтобы Норма не видела, ей и без того нервнотрепки хватает.

– Заметано.

Тетя Элнер дожидалась его на крыльце.

– Ну, было что-нибудь на двери?

Мэкки потряс головой:

– Не-а, ничегошеньки. – И переступил через ее кота Сонни, развалившегося поперек дорожки к дому.

– А ну, глянь-ка, что на мою прицепили. И что ты об этом думаешь?

Она вручила ему яркий розовый листок с черными буквами:

БЕРЕГИСЬ – АРМАГЕДДОН НЕ ЗА ГОРАМИ. КОНЕЦ
СВЕТА НЕИЗБЕЖЕН! ПРЕПОДОБНОМУ КЛЭЮ СТАЙЛСУ ЯВИЛОСЬ
ОТКРОВЕНИЕ БОЖЬЕ, ПРЕДВЕЩАВШЕЕ КОНЕЦ СВЕТА. ЭТА
ИНФОРМАЦИЯ ОСНОВАНА НА ОЗАРЕНИИ. В АПРЕЛЕ СЕГО ГОДА БОГ
ПОКАЗАЛ ЕМУ ФИНАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ И НАЗВАЛ ТОЧНУЮ ДАТУ.
ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНФОРМАЦИИ И БЕСПЛАТНОГО
БУКЛЕТА ЗВОНИТЕ 555-2312.

Тетя Элнер спросила:

– Как по-твоему, я должна ему позвонить?

– Нет, тетя Элнер, это шарлатан, просто пытается деньги выцыганить.

– Ты думаешь? А тут же сказано – бесплатно.

– Вас хотят включить в список почтовой рассылки, чтобы потом клянчить пожертвования.

– Значит, не стоит придавать значения его словам?

– Да ну, это какой-то идиот. Выбросьте эту бумажку. Жулик он.

– Ну слава богу, что я тебе позвонила. Не хотелось бы мне попадать в чей-то список рассылок, хоть бы и к священнику. Мне и без того почтового мусора хватает.

– Верно говорите.

– Раз уж ты тут, посиди со мной на веранде. Я чайку заварю.

– Ладно, чайку так чайку.

Он поднялся по ступеням, уселся на желтый в белый горошек диван-качалку и, дожидаясь, раскачивался вперед-назад. Тетя Элнер вернулась и вручила ему чашку.

– Позволь кое-что у тебя спросить, Мэкки.

– Что?

Тетя Элнер села.

– Ты бы хотел знать, когда наступит конец света? Я вот не уверена, что хочу, лучше пусть он меня застанет врасплох. А ты тоже?

– Ну, наверное.

– Сахара хватает?

– Нормально.

– Что бы ты сделал, если бы знал, что конец света наступит в следующий вторник?

Мэкки подумал.

– Да трудно сказать. Ничего. Скорее всего. А что можно сделать-то? Вы бы что сделали?

– Одно знаю наверняка: я бы неделю не убиралась в доме.

– А я бы, может, съездил во Флориду, – сказал Мэкки. – Или еще куда.

– Думаю, так даже лучше, что никто из нас не знает, когда он наступит и доживем ли мы до него. Так жизнь интересней, как рулетка, правда?

– Да уж.

– Люди любят играть, правда? Я вот бинго люблю. Не знаешь – и вроде полнее живешь, гадаешь.

Мэкки согласился.

Чуть погодя тетя Элнер сказала:

– Как думаешь, дождь пойдет?

Мэкки откинулся на спинку и посмотрел вверх:

– Бог мой, надеюсь, нет. Я собирался на озеро.

– И на кой тебе во Флориду?

– Что?

– Если бы ты узнал, что приближается конец света.

– А-а... Ну не знаю. Наверное, хотел бы перед смертью попасть на хорошую рыбалку.

– Мэкки, не хочешь же ты оказаться среди незнакомых людей во Флориде, когда настанет конец света, правда?

– Ну...

– Мне кажется, не стоит в такой момент путешествовать. Лучше побыть дома, среди своих, тебе не кажется?

– Пожалуй.

– Разве ты бы не хотел, чтобы Норма и Линда были с тобой? Норма не поехала бы во Флориду, ты же ее знаешь. Она бы наводила в доме лоск, чтобы все сверкало и сияло. Говорят, это будет Судный день. Надо уж быть там, где положено, чтобы Ему не пришлось бегать искать тебя. Думаю, надо всем остаться на своих местах.

– Наверное, вы правы, тетя Элнер. – Он встал. – Ну, я пойду домой, надо еще кое-что сделать, Норма просила.

– Ладно, лапушка, беги. Спасибо, что зашел.

Он вышел на улицу, когда тетя Элнер окликнула его:

– Не говори Норме, о чем мы беседовали. Про конец света и все такое!

– Не скажу. – Он обернулся махнуть рукой на прощанье и наступил на Сонни, который даже не шевельнулся.

Дилемма для Дены

Нью-Йорк

1973

Дена встречалась с преподобным Чарльзом Гамильтоном на нескольких благотворительных акциях по сбору средств и всякий раз удивлялась. Каждый год преподобный попадал в десятку самых любимых граждан Америки. Церковь его в Нью-Йорке была не самой большой, но он приобрел всенародное признание благодаря своим книгам. Хотя они оба с женой Пэгги родом были из крошечного городка, затерявшегося среди сельских пейзажей Кентукки, он прослыл человеком, который вдохновляет миллионы людей и дает советы президентам. Однако, несмотря на частые выходы в свет, преподобный старался не слишком распространяться о своей личной жизни. Дена священниками не особо интересовалась, но поняла, что Гамильтоны именно такие, какими кажутся, – необычайно добрые и приятные люди.

С первого взгляда Пэгги Гамильтон не поражала красотой, но чем дольше с ней общалась, тем она кажется привлекательнее, а потом вдруг замечаешь: да она же красавица. Говоря с тобой, она давала почувствовать, что ты – самый важный человек в комнате. И хотя Дена водила дружбу исключительно с мужчинами, она искренне сблизилась с миссис Гамильтон.

Многие искали возможности взять интервью у Гамильтонов, но получали отказ. И тут вдруг, на удивление своим друзьям, они соглашались дать Дене интервью, да еще у себя дома. Много лет назад Пэгги, не афишируя, основала Детский фонд, организацию, которая теперь разрослась и кормила и одевала детей по всему миру. Но в последнее время пожертвования притормозились, и Дена обещала половину передачи посвятить Детскому фонду, а другую половину – семейной жизни и секрету их успеха. Дена пребывала в радостном возбуждении. Лучший момент трудно даже представить. Айра Уоллес был почти готов выпустить ее на главную новостную передачу, и это будет еще одно важное интервью, сделанное по ее инициативе.

За четыре дня до записи Уоллес вызвал Дену в кабинет. Войдя, она увидела трех мужчин, двух из них, «исследователей» Уоллеса, она знала. Третий, с лицом хорька, был ей незнаком. Прежде всего Уоллес, всегда плевавший на светские правила, сказал:

– Дена Нордстром, познакомься с Сидни Капелло. Он сделает тебя звездой, детка!

Дена посмотрела на человека, который выдавил из себя некую полуулыбку в ее сторону, и кивнула:

– Здравствуйте.

Она села. Айра напоминал волка, который, сожрав Красную Шапочку, облизывается. Он был чем-то страшно доволен.

– Я тебе не говорил, не хотел беспокоить понапрасну, но мои лучшие люди уже несколько недель занимаются этим делом. И ничего, ноль, полнейший. Этот сукин сын чист, как задница младенца.

Дена смутилась.

– М-м-м... О ком вы?

– О ком? О твоём преподобном дружке, мистере Белая Борода. Короче, представь, ничего не могли найти, даже квитанции за неправильную парковку, господи ты боже мой. Но я не сдавался. Так хотелось сдернуть этого деревенщину за штаны с его заоблачных высот. И он попался-таки – благодаря Сидни. Я чувал, что должна быть хоть какая-нибудь трещинка, за что можно зацепиться, и Сидни ее нашел. Не у Гамильтона, но почти что не хуже, даже лучше, если правильно это дело подать. У его очаровательной женушки. И у нас стопроцентное доказательство, на бумаге и подписанное надежным свидетелем.

Дена, предчувствуя недоброе, ощутила тяжесть в желудке.

– Сидни поехал в Кентукки разнюхать там все, и ему несказанно повезло. Прежде чем мисс Святее Самого Святого Из Святых вышла за Гамильтона, она успела хорошо погулять и нагуляла брюшко. После чего отдала ребенка и с тех пор с ним не виделась.

– Ой, нет, Айра, я в это ни за что не поверю, – сказала пораженная Дена. – Откуда у вас эти сведения?

Уоллес сунул ей под нос бумагу:

– Сорока на хвосте принесла. Я прямо жду не дождусь. Ты с ними потреплешься, повернешь разговор на счастливый брак и прочие сладкие слюни, а потом – хлоп! «Итак, миссис Гамильтон, давно ли вы виделись со своим первым ребенком?» Она не поймет, назовет имя первого ребенка от Гамильтона, а ты примешь невинный вид и скажешь: «Нет, я говорю о вашей дочери, которая, по нашим данным, родилась в 1952 году и которую вы отдали в другую семью». После чего нам останется только сидеть и наблюдать, как они потеют и извиваются, не хуже червей на крючке. М-м-м, обожаю.

Дена болезненно скривилась.

– А Чарльз Гамильтон об этом знает?

– Да какая разница! Плевать на него! Если не знает, еще лучше. Мы сможем увидеть, как идеальный христианский брак разваливается прямо перед телекамерой. Самый жирный куш года, и падает прямо тебе в руки, ну, скажи, разве я о тебе не забочусь?

Уоллес ждал, что Дена бросится благодарить его за куш, но Дена повела себя совсем не так, как он ожидал.

– Айра, я этих людей хорошо знаю. Они согласились на интервью, чтобы оказать мне услугу. Они решат, что я вошла к ним в доверие, чтобы заманить в ловушку.

Уоллес поглядел на остальных:

– Причем на какую приманку, а!

Все заржали. Уоллес перевел взгляд на Капелло:

– Не ведись на ее невинный вид, Сид. Она прирожденная убийца. Сидит, улыбается, ласково поет им колыбельную, а только они расслабятся – вжик! – по горлу. Они даже не успевают понять, что их убило.

– Спасибо, Айра, всю жизнь только об этом и мечтала – прослыть убийцей, – сказала Дена. – Можно поговорить с вами наедине?

Теперь Уоллес забеспокоился.

– Да, конечно. Ребята, идите прогуляйтесь.

Трое мужчин вышли из кабинета. Уоллес перевел на нее взгляд:

– Что с тобой? Ты понимаешь, как нам повезло – заполучить такую драгоценность? Капелло мог схватить ее и удрать и втридорога запродать другим. Мне пришлось пообещать мерзавцу место второго продюсера, но я добыл для тебя эту историю. Ты должна быть благодарна.

– Я благодарна. Не в этом дело, просто...

Уоллес перебил в нетерпении:

– Ну что, что «просто»?

Дена наклонилась и посмотрела ему в глаза:

– Зачем?

– Зачем нанимать его? Пришлось, он мог другим продать эту историю.

– Нет, зачем эту историю поднимать?

– Что?

– Я спрашиваю – зачем?

– Ты что, шутишь? В этом как раз суть новостей.

– Разве? Не знаю. Это кажется таким... необязательным, что ли. Можно хотя бы предупредить ее, вместо того чтобы огорошивать в эфире?

– Слушай, мы отдаем этим придуркам Христа ради миллионы долларов, не облагаемых налогом, и ты хочешь дать им возможность контролировать интервью? Нет уж, черта с два. Мы спросим их о том, о чем, черт подери, пожелаем, это свободная страна.

– Я знаю, но...

– Да что с тобой? Вдруг заделалась Мэри Тайлер Мор?¹⁴ Тебе не впервой задавать трудные вопросы. Гляди, как ты прищучила Босли и других. Они до сих пор визжат, а рейтинги зашкаливают.

– Да, но, Айра, это были мошенники, они обманывали всех. Они заслужили публичного разоблачения. Но Пэгги Гамильтон – милейший человек, она в жизни никого не обижала. Это же совершенно другое. Да и вообще, какой в этом смысл?

– Какой смысл? Какой *смысл*?! Смысл в том, что люди имеют право знать, какие они притворщики. Да ладно тебе, расслабься. Тебе достался лучший сюжет сезона, если не года, на подносе принесли.

– Айра, вы хоть понимаете, в какое положение меня ставите? И если я задам такой вопрос, люди меня возненавидят.

– Ой, да умоляю, ты что, шутишь? Тебя будут обожать. Собственная жизнь покажется им уже не такой паршивой. Ты станешь героиней, а ребята там, наверху, тебя полюбят. Твои фанаты придут в восторг из-за того, что ты сказала правду об этой парочке. Пора тебе повзрослеть. Ты их жалеешь, а они далеко не такие невинные овечки, какими кажутся.

– Почему вы так в этом уверены?

– Я-то знаю, поверь мне, они ничем не отличаются от остальных хапуг. И сбор средств в пользу обездоленных деток – скорее всего, сбор средств в пользу Гамильтонов.

– Айра, не заставляйте меня это делать. У них есть дети. Представьте, как это на них подействует. И верите вы или нет, они принесли людям много добра, их уважают.

– Ради всего святого, только не говори, что ты повелась на всю эту религиозную белиберду! Этот святоша – ханжа!

– Мы говорим о его жене. Даже если она совершила ошибку, что с того. Она же человек. Разве вы никогда не ошибались?

– Ошибался, разумеется, но я же неставляю себя перед народом в роли какого-то святого. Позволь я тебе кое-что скажу. Ты хочешь быть хорошей, нести людям добро? Это твой шанс. Покажи, что плохо в этой стране. Людям нужно знать правду об этих говнюках. И это твоя работа. А хочешь жить в сказочной стране – поезжай в Диснейленд.

– Я не считаю их говнюками.

– Ладно, неважно, просто задай вопрос. Я знаю что делаю, ты еще будешь меня благодарить. Все, свободна, катись.

Уоллес махнул рукой, отпуская ее, придвинул к себе тезисы следующей передачи и погрузился в чтение. Дена еще немного посидела, потом встала, но у двери оглянулась:

– За что вы так ненавидите Чарльза Гамильтона?

– Ненавижу? – искренне удивился Уоллес. – Что ты. Я с ним даже не знаком, черт его дери.

Дена пошла на обед, но есть не могла. Айра ее многому научил, и она знала, что жизнь Пэгги Гамильтон разрушит не ее ответ, а сам вопрос. Однажды заданный, он откроет шлюзы для потока вопросов. А отказаться его задавать – значит не воспользоваться шансом получить работу на центральном телевидении. Перечить Айре Уоллесу равносильно увольнению. Столько лет она шла к этой цели, и на тебе. В одном Айра был прав. Она точно не святая.

¹⁴ Мэри Тайлер Мор – исполнительница главных ролей в «Дик Ван Дайк шоу» и «Мэри Тайлер Мор шоу». Имеет несколько наград «Эмми».

Она улыбалась и очаровывала людей перед камерой и затем внезапно огорошивала, выкладывая факты, нарытые людьми Уоллеса. Ей подсказали, как взять самое острое интервью года, и она с улыбкой произнесла в камеру: «Я знаю, наши продюсеры подписали соглашение не обсуждать в эфире обвинение в оскорблении и побоях, которое ваша первая жена выдвинула против вас в 1964 году, и я не стану его нарушать, но ответьте, как вы вообще относитесь к насилию?» Она знала всякие трюки и умело их применяла. Более чем умело. Она много раз задавала подобные вопросы не моргнув глазом, но тут что-то было не так. Это был другой случай. Может, если бы они откопали что-то скандальное или криминальное относительно самого Чарльза Гамильтона, она бы чувствовала себя иначе, но они устроили охоту за его женой. Дена прекрасно знала, что ради рейтингов Айра готов на самые грязные уловки. Меньше чем за год Айра поднял их новостной отдел с третьего места на второе и сейчас, похоже, нацелился на высшую строчку рейтингов.

Не успела Дена вернуться с обеда, как в ее кабинет без стука, точно к себе домой, ввалился Сидни Капелло и уселся, закинув ногу на ногу, напротив ее стола. Дена глядела на него с таким омерзением, будто это змея свернулась кольцами на красной кожаной кушетке.

А Капелло даже не смотрел на нее.

– Айра хочет, чтобы ты показала мне вопросы, которые собираешься задавать, я проверю, все ли в порядке. – Взгляд его скакал по комнате, будто Сидни искал мух. – Ну, я про эту, знаешь, про залетевшую женушку священника. Он хочет, чтобы мы работали вместе.

Дена встала:

– Ну уж нет. Мы с тобой вместе работать не будем, ясно, подонок?

Глаза Капелло остановились на ней.

– Эй, ты давай передо мной не выкобенивайся, слышь. Не хочешь со мной работать – твои проблемы, сестренка.

Последней фразы Дена не слышала, ибо в этот момент неслась по коридору как торнадо.

– Вы велели этой гадине работать со мной? – ворвалась она в кабинет Айры Уоллеса.

Тот, как водится, висел на телефоне. Он посмотрел на нее, поднял в приветствии руку и жестом велел сесть. Дена села и стала ждать. Она так злилась, что живот скрутило от боли. Дена несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Уоллес наконец положил трубку.

– Ну и о какой гадине мы ведем речь?

– Сидни Капелло. – Дена старалась сохранять спокойствие. – Вы сказали ему, что он будет со мной работать?

Уоллес сделал вид, что не понимает, в чем тут проблема.

– Да, и что? Я же говорил – мне пришлось сделать его вторым продюсером.

– Айра, в отличие от вас, я не могу находиться с ним в одной комнате. Достаточно и того, что мне приходится работать с этими двумя кретинами, которых вы называете «исследователями», но этот парень совершенно омерзителен.

– Ладно, как скажешь. Я думал, он тебе сумеет помочь, только и всего. У вас личная несовместимость – что ж, не страшно, подумаешь. Не хочешь – не надо, делов-то. Что-нибудь еще?

– Как вы можете ему доверять, Айра? А вдруг он врет про Гамильтонов? Вдруг он все выдумал?

– Он не врет. Мы проверили дважды. Может, он и подонок, но подонок-эксперт. Тебе могут не нравиться факты, которые он разносит, но он – лучший. Доверять ему? Да я тебя умоляю, он родную бабушку продаст, если сможет заработать десять центов, но профи.

– Как можно работать с человеком, которому не доверяешь? Не понимаю.

– Работа есть работа, при чем тут доверие. Чтобы делать бизнес, не обязательно доверять.

– Вам, возможно, и не обязательно, а мне обязательно! И я не могу задать этот проклятый вопрос.

– Стоп. Только не начинай по новой. Знаешь, детка, ты меня разочаровываешь, а ведь я столько труда в тебя вложил. Вроде ты хотела постоянную работу на центральном телевидении, а что вытворяешь сама?

– Все так, Айра, но я знакома с Пэгги Гамильтон, она мне доверяет, и муж ее доверяет. Я же только благодаря нашей дружбе и получила их согласие на интервью.

– Понятно. А скажи, она же знает, кто ты, правда?

– Да, но...

– Так вот, бизнес есть бизнес. Они это понимают. Зачем они вообще согласились на это интервью? Деньжат сорвать, вот зачем. Они знают, что почем. Ты делаешь свою работу, они используют тебя, ты используешь их, – бизнес. Брось, ты и сама это прекрасно понимаешь. Не будь размазней, а иначе собирай манатки и садись на первый автобус до своего Задрипан-Спрингс.

Дену передернуло. Уоллес глянул на часы и поудобнее развалился в кресле.

– Позволь, я расскажу тебе небольшую историйку. Дед мой приехал в эту страну без гроша в кармане. Ему пришлось торговать вразнос, всю жизнь. Он продавал пуговицы, ходил от двери к двери, работал по восемнадцать, девятнадцать часов в день. Но за жизнь он собрал пятнадцать тысяч долларов и заплатил за мою учебу в Нью-Йоркском университете. Знаешь, сколько он ради этого продал пуговиц? Однажды, мне было четыре, он повел меня в кухню и поставил на табурет. Протянул руки и сказал: «Прыгай». Я боялся. Он сказал: «Давай, прыгай. Я поймаю». Я все равно не прыгнул. Он сказал: «Ты что, мне не доверяешь? Я же твой дедушка». Тогда я прыгнул – и что же? Ударился об пол, разбил губу. Он посмотрел на меня сверху вниз и сказал: «Это твой первый урок по бизнесу, парень. Никогда никому не доверяй. Даже мне. Смотри не забывай». – У Уоллеса даже слезы навернулись на глаза. – Господи, как я его любил. И вот что я тебе скажу. Слова его я запомнил навсегда.

– В этом-то и разница между нами, Айра, – сказала Дена. – В детстве дедушка тоже проделал со мной такую штуку, но тогда он меня поймал.

– Ага, только не обманывай себя, не думай, что он оказал тебе услугу.

Шанс

Нью-Йорк

1973

В субботу в четыре тридцать утра Дена сидела в своей гостиной и ела размороженные макароны с сыром. Всю ночь она не спала, мучилась над сценарием интервью, ходила взад-вперед и гадала, что же делать. Она всегда легко принимала решения, когда дело касалось карьеры. Ей была ясна цель, и она шла к ней, даже если для этого надо было кого-то замарать. Она не задумываясь бросала работу ради другой, лучшей, и не оглядывалась. Но с этим интервью было иначе, что-то тревожило ее, даже пугало. Религия была тут ни при чем, не думала она и о том, что Гамильтоны ее возненавидят: она всегда могла соврать, мол, продюсер сказал ей, что все знают о первом ребенке. Дело было в чем-то другом, с чем она не могла смириться. Может, боялась, что, навреди она Гамильтонам, ей больше никто не даст интервью? Или что хорошие люди от нее отвернутся? Или просто в том, что Пэгги Гамильтон была женщиной и казалась такой уязвимой, такой незащищенной? А может, причина в том, что ей омерзителен Сидни Капелло? Почему она ощущает такую угрозу? Она прошла в ванную комнату, включила свет, поглядела на свое отражение и испугалась того, что увидела. На мгновение ей почудилось, что лицо в зеркале – это лицо ее матери.

В восемь она позвонила. К телефону подошел младший сын Гамильтонов, Дена попросила позвать мать. Пэгги Гамильтон взяла трубку и милым голосом сказала:

– Аллю.

– Миссис Гамильтон, это Дена Нордстром.

– А-а, привет, Дена.

– Миссис Гамильтон, послушайте, я насчет интервью. Не могли бы мы встретиться? Это крайне важно. Мне очень нужно с вами поговорить, наедине.

– Конечно. Заходите в любое время. Или, может, мне прийти к вам на работу в понедельник?

– Нет, лучше встретиться раньше и где-то в другом месте.

Дена предложила «Лоран» на Пятьдесят шестой – приятный старомодный ресторанчик, куда, как она знала, ни Айра, ни его знакомые не заглядывают. Она пришла за десять минут до встречи и попросила столик в глубине. На ней был шарф и темные очки, и чувствовала она себя, как в фильме с Джоан Кроуфорд. В десять минут пятого она уже вся изнервничалась, выкурила полпачки сигарет и выпила два стакана «отвертки» – водки с апельсиновым соком. И тут появилась улыбающаяся Пэгги.

– Ага, вот и вы. Едва признала вас в этих очках. Простите, что опоздала. Прощаете?

– Конечно, я сама только пришла. Хотите выпить... чая или кофе?

– Разве что чашечку чаю.

Дена сделала знак официанту и заказала чай и для себя еще одну «отвертку». Руки ее тряслись, когда она прикуривала очередную сигарету.

– У вас все в порядке? Что-то стряслось? По телефону у вас был расстроенный голос.

Дена прикурила, оказывается, с фильтра.

– Да, кое-что беспокоит. Я прямо не знаю, как и спросить, это такой личный вопрос. Очень личный, но...

Пэгги Гамильтон ждала, но Дена, двадцать раз репетировавшая в уме, вдруг потеряла дар речи.

– Мы, конечно, не очень хорошо знакомы, но... Я так и думала, что не смогу, о боже, не знаю, как сказать...

Пэгги, которая была старше, положила руку ей на запястье:

– Дена, что бы вас ни волновало, лучше всего поговорить с кем-то. Все, что вы скажете, дальше меня не пойдет. Вы же знаете, что можете мне доверять, правда?

Когда официант отошел, Дена все еще медлила.

– Если я могу вам чем-то помочь, то буду рада. Вы же знаете, как мы с Чарльзом к вам относимся.

Дена сказала:

– В том-то и проблема. О господи... простите, но это оказалось труднее, чем я думала. – Она помолчала. – Ладно, дело в том... в общем, речь не обо мне, а о вас.

– Обо мне?

– Да. Но прежде всего я хочу, чтобы вы поверили: я ничего не знала до вчерашнего дня. Когда готовишься к интервью, помощники собирают материал, чтобы помочь тебе с вопросами, и прочее. И... Я не доверяю парню, которого нанял мой босс, поэтому мне нужно знать, правда это или нет, а если это какая-то ошибка, я должна быть в курсе.

– В чем дело?

– Мой босс хочет, чтобы я спросила: не было ли у вас... по крайней мере, они думают, что у вас, вероятно... мог быть еще один ребенок, до замужества.

Дена увидела испуг в глазах Пэгги Гамильтон и сразу поняла, каков будет ответ.

– О господи, Пэгги, я надеялась, что они ошиблись. Мне так жаль, если бы я только знала, я ведь не должна была обсуждать это с вами до передачи. Но я не смогла.

– Как вы узнали?

– Это не я, Пэгги, честное слово. Один ублюдок, который выполняет такого рода работу, поехал в ваш родной город в Кентукки, поспрашивал там, выискивая какую-нибудь грязь про вас, и обнаружил человека, который назвался отцом ребенка и сказал, что готов поклясться в этом.

Пэгги была подавлена.

– Зачем, зачем ему было рассказывать об этом сейчас, после стольких лет?

– Может, думал, что получится из этого извлечь какую-то выгоду. Может, для него это шанс прославиться, может, ему пообещали, что он попадет на телевидение. С людьми такое случается.

– Понятно.

– А Чарльз об этом знает?

– Да. Дочь не знает. – Она подняла взгляд на Дену: – Не понимаю. Зачем им понадобилось меня об этом спрашивать?

– Ох, Пэгги, что тут скажешь, – покачала головой Дена. – Так, в общем, всегда делают – пытаются нарыть что-то, что может шокировать. Не только с вами так поступили. Просто им... о господи, им важно поднять рейтинг. Все проще простого. Я чувствую себя распоследней скотиной, но единственное, что я могла сделать, – это предупредить вас. И если я вас не спрошу, это все равно каким-то боком вылезет. Раз уж информация попала к ним в руки, ей дадут ход.

– Знаете, забавно. Я всегда боялась, что в один прекрасный день это вскрыется. Многие годы готовилась, а теперь, когда это случилось, просто раздавлена. Вот уж не думала, что это произойдет именно так. Наверно, я все же выпью, если не возражаете.

Дена сказала:

– Конечно, прошу вас, мне тоже надо добавить. Она попросила официанта принести еще два коктейля и подвинула свой стакан Пэгги. Та выпила. Теперь у Пэгги руки дрожали, а не у Дены.

– Пэгги, поверьте, мне так жаль, я изо всех сил старалась отговорить их, но впустую. Мне придется задать этот вопрос. Айру просто убить мало. Мне нельзя было даже встречаться с вами. Они пытались найти какую-нибудь пакость про Чарльза, а раскопали вот это.

– Ясно. Интересно, что же с нами теперь будет.

– Расскажите, что тогда произошло, при каких обстоятельствах? И как удавалось столько лет это скрывать?

– Мне едва пятнадцать стукнуло, а ему было двадцать три. Я была полная дура. Ничего про секс не знала. Нас было восемь детей у мамы, и, видимо, мне льстило его внимание. Наверное, я жаждала любви. Он был мой дядя. Сказал, что любит меня и что я особенная... Это было-то всего один раз, а спустя примерно месяц меня стало тошнить, и я совершенно не соображала, что со мной. Пришел врач и сказал моему отцу, что я беременна. Понимаю, сейчас в это трудно поверить, но мы были очень религиозной семьей и никогда о таких вещах не говорили. Самое странное – он все отрицал, говорил, что это не он, что я лгу. И ему поверили, а меня отослали жить к маминой сестре. Я родила, на следующий день девочку забрали, и с тех пор не проходило дня, чтобы я не думала о ней. Как она там, здорова ли, счастлива ли. Но я подписала бумагу, отдала свои права. Знали бы вы, как это тяжело – не иметь возможности даже поискать ее. Но я не могу с ней так поступить – так ее опозорить. А теперь вот пожалуйста. – Она смотрела вдаль. – Если он обидит мою дочь, я его никогда не прощу.

Дена вдруг снова занервничала.

– Простить его? Кажется, вы не совсем понимаете. Вся ваша жизнь может разлететься вдребезги. Огромная работа, которую вы с Чарльзом делаете. Вы должны чувствовать ярость!

– Ох, поверьте, я в ярости, – сказала Пэгги, – и страшно мне до смерти, но что я могу сделать-то?

Дена, подогретая водкой, в отчаянной браваре заявила:

– Зато я могу кое-что сделать. Я подам заявление об уходе, вот что. Скажу – если они будут настаивать, я уйду. Меня, может, и так уволят, если разнюхают, что я вам сказала. Так что я просто приду утром в понедельник и уволюсь.

– Нет, Дена, не вздумайте. Вы говорили, об этом все равно так или иначе узнают.

– По крайней мере, не от меня. А если узнают, все отрицайте. Скажите, что этот человек лжет. Поверят вам и Чарльзу, а не этому ублюдку.

– Не могу.

– Подумайте. Это сломает вам жизнь. Вас же превозносят. Им будет все равно, кого вы пытаетесь защитить. Им важно одно: что вы родили ребенка, не будучи замужем, и скрыли этот факт. Думаете, вас простят? Нельзя ломать себе жизнь из-за одной-единственной ошибки двадцатилетней давности. – Дена тронула ее за руку: – Послушайтесь меня, Пэгги, отмените это чертово интервью. Скажитесь больной, или что ваша мама при смерти, да что угодно придумайте, только откажитесь. Наймите убийцу, мне плевать, только сделайте что-нибудь. Они нечестно играют. Кому и что вы должны? Пэгги, не будьте дурочкой, вы не обязаны раскрывать душу перед этими людьми. Сам Иисус Христос солгал бы, попади он в вашу ситуацию!

– Я должна поговорить с Чарльзом. Не знаю, как быть.

– Я говорю вам, как быть. Солгите.

– Но это правда.

– Тогда скажите, что вас изнасиловали.

– Но меня не насиловали... В смысле, я сама позволила ему поцеловать меня. Может, я сама была виновата, я же не говорила «нет» до тех пор, пока...

– В каком смысле – виновата? Вам было всего пятнадцать. А ему сколько, говорите?

– Двадцать три.

У Дены загорелись глаза.

– Вот оно, Пэгги, пригрозите ему! Вы же были несовершеннолетней. Он может сесть в тюрьму за изнасилование.

– Изнасилование?

– Да!

– Нет. Так я с ним поступить не смогу.

Дена кинула взгляд на парочку, занявшую соседний стол, и обнаружила, что в ресторанчик потянулись на обед люди.

– Знаете, нам лучше уйти. Отправляйтесь домой и поговорите с Чарльзом.

– Дена... Не знаю, как вас благодарить за предупреждение. Не представляю пока, что можно тут сделать, разве что молиться.

– Ну, можете молиться, если хотите, но поначалу я бы пригрозила ему арестом.

– Дена... – теперь Пэгги взяла ее за руку, – как бы то ни было, пообещайте, что не станете из-за этого увольняться. Я не переживу, если еще и это будет на моей совести.

Дена кивнула:

– Ладно, обещаю.

– Спасибо. – Пэгги сжала ей руку.

Дена подождала несколько минут, чтобы не увидели, как они выходят вместе. На улице она почувствовала слабость в ногах и поняла, что на самом деле храбрости в ней меньше, чем казалось.

Власть как игра

Нью-Йорк

1973

Следующие несколько дней на работе Дена ощущала себя узником камеры смертников. Позвонит ли Айра? Чем ближе к интервью, тем страшнее ей становилось, тем сильнее не хватало воздуха. В это утро она потянулась за таблеткой валиума и едва не выпрыгнула из собственной кожи от телефонного звонка.

– Да?

– Быстро ко мне! – рявкнул Уоллес.

Дена шла по коридору, и сердце ее колотилось как бешеное. Может, это последние метры перед концом ее карьеры. Она негромко постучала.

– Входи. – Уоллес встал и самолично закрыл дверь. – Сядь.

Он сердито смотрел на нее через стол.

– Я знаю, это не разобьет тебе сердце, но придется отменить этот чертов вопрос насчет ребенка Гамильтоники.

– Почему?

– Джулиан Амзли не разрешает. Боятся, что его засудят.

– Почему?

Уоллес жажнул кулаком о стол:

– Да потому что этот хрен чертов, которого откопал Капелло, теперь утверждает, что наврал! И ему хватает наглости, черт бы его подрал, отрицать эту хренотень про ребенка, так что все отменяется. – Уоллес отдышался и продолжал: – Представь, ублюдок отказывается от своих слов. Сукин сын, ренегат чертов. С кем приходится дело иметь, а! Лгуны, обманщики, жулики. Никакой совести у людей не осталось.

Дена понятия не имела, как Гамильтонам удалось заставить негодяя отказаться от своих слов, но она быстренько собралась с мыслями и провернула такой спектакль, что ее учитель театрального мастерства в колледже мог бы ею гордиться. Она посмотрела на босса так, будто тот объявил о своем желании принять сан священника.

– Вы хотите сказать, Айра, что после всей нервотрепки, что вы мне устроили по поводу сценария интервью, я не могу им воспользоваться? Просто не верится. Нет, не верю! – Она встала и принялась вышагивать по кабинету. – Да плевать мне на Джулиана Амзли, кто он там у нас, директор телекомпании, что ли? Я задам этот чертов вопрос, и все тут. Это же новостная программа, между прочим! Он не имеет права вмешиваться в новости!

Уоллес запаниковал.

– Ты что, хочешь, чтобы нас всех уволили?

– Плевать, это дело принципа.

– Зато мне не плевать. Для меня дело принципа – не потерять работу.

– И что прикажете мне теперь делать, Айра? Я уже весь сценарий разработала. И в результате мне остаются какие-то розовые слюни, а на переписывание меньше двадцати четырех часов.

Уоллес попытался ее успокоить:

– Знаю, но что я мог поделать-то? Скажи, что тебе нужно? Как я могу помочь?

– Вот он, ваш хваленый Капелло, лучший из всех, да? Даже не проверил источник, и с чем я осталась, только поглядите!

– Ладно, ладно, это было глупо. – Уоллес поднял руки, защищаясь. – Ну застрели меня.

Теперь Дена наслаждалась игрой.

– Короче, я не успею подготовиться к завтрашнему дню. Вам придется отменить интервью.

– Нет-нет, это невозможно. Оно уже в программе.

– Слушайте, Айра, это мне там выглядеть дурой, а не вам. Посадить бы вас с Капелло перед камерами без подготовки и поглядеть, как вам это понравится.

– Ну хорошо, хорошо, ты высказала свое мнение. Что еще я могу для тебя сделать? Хочешь крови моего первенца – бери его, он твой. Только не злись на меня, ладно? Чего ты хочешь? Скажи.

То, что в следующий миг сказала Дена, удивило ее саму, но, произнеся эти слова, она поняла, что действительно этого хотела.

– Хочу, чтобы вы уволили задницу Капелло.

– Этого не могу. Я его только что нанял.

– Я хочу, чтобы его уволили.

– Хочешь, чтобы его уволили. А теперь давай серьезно.

– Я серьезно.

– Слушай, даже если бы я и захотел, – а я не хочу, – я бы не смог его уволить. У него контракт. Тут речь о деньгах.

– Айра, не говорите, что вы в этом контракте не оставили для себя какую-нибудь лазейку. Вы всегда так делаете.

Тут у Айры прояснилось в голове.

– Эй, погоди-ка, чего это ты мне тут раскомандовалась – кого увольнять, кого не увольнять? Ты кто вообще такая? Сама еще не получила постоянный контракт.

Она облокотилась о его стол:

– Я так скажу. Если он через час не вылетит отсюда, я буду до того огорчена, что не смогу работать над сценарием интервью, а Гамильтоны без меня не согласятся на съемки. Я уже говорила, они меня любят и доверяют мне. И останетесь вы на двадцать минут с пустым эфиром.

– Слушай, ты мне так не шути. Это же шутка, правда? Ты же не хочешь так поступить с Капелло. Бедняга допустил одну дурацкую ошибку. Будь сердобольна. Несчастному недотепе и без того плохо. Слышала бы ты, что он говорил. Он так горевал, что подвел тебя. Чуть не в слезах тут сидел.

Уоллес видел, что ее это не трогает. Во взгляде Дены светилась непреклонность, какой он раньше не замечал. Они долго смотрели друг на друга в упор. Наконец Уоллес сказал:

– Ладно, ладно, но это грязный шантаж. Говорю тебе, ты совершаешь ошибку. От Капелло было бы много пользы.

– Еще одно. – Дена встала. – Я хочу при этом присутствовать.

Уоллес ушам своим не верил. Он посмотрел на нее с горечью и покачал головой:

– Что с тобой случилось? Ты же была такой доброй, милой девочкой.

Дена не ответила.

Через сорок пять минут Капелло вернулся с обеда, и Дена сидела напротив, пока Уоллес его увольнял.

Сидни Капелло тут же накинулся на Дену:

– Ах ты сука, я тебе за это отплачу. Ты у меня дождешься...

Уоллес обошел стол и стал теснить его к выходу:

– Да, да, да, мы все знаем, какой ты крутой, Сидни, а теперь убирайся к черту.

Он вытолкал его и захлопнул дверь. Потом сел.

– Ну, довольна?

Дена улыбнулась:

– Ни за что в мире не пропустила бы этого зрелища.

Шагая по коридору, она чувствовала приток какой-то невероятной силы. Впервые в жизни ее охватило ощущение власти, и она вдруг поняла, почему мужчины готовы за это драться. Отличное ощущение! В этот миг она была рада, что не похожа на Пэгги Гамильтон. Ей нет надобности прощать Капелло.

Откинувшись в кресле, Уоллес раскурил погасшую сигару. Он тоже чувствовал подъем. Только причиной тому было восхищение собственной проницательностью – здорово, что он взял на работу Дену Нордстром. Черт, ну и крута. Даже бровью не повела, когда он уволил Сидни. И перед ним самим не спасовала. Бывало, он ошибался в людях, но тут с самого начала подозревал, что за этой невинной мордашкой пряталась личность, и он мог ее использовать против этих ханжей и лицемеров на центральном телевидении, которые смотрели на него сверху вниз. Вот с ее-то помощью он их и вытолкнет из бизнеса. Особенно этого важного, напыщенного диктора новостей, Кингсли, которого Уоллес с превеликой радостью выпнул бы из его королевского трона. Говард Кингсли однажды отказался с ним работать, в результате из рук уплыл серьезный проект на центральном телевидении, и Айра ему этого не забыл. Он дотянулся до телефона и набрал номер кабинета, выделенного Сидни Капелло. Тот взял трубку.

– Это я, Айра.

Сидни принялся ругать его на чем свет стоит, угрожая судом, но Айра прервал его:

– Эй, эй, погоди... да погоди же. Я знаю, что сказал, но послушай сюда. – Он заорал: – Да послушай, черт тебя дери! Ни на кого ты в суд не подашь. Я звоню сказать, чтобы ты всерьез ничего не принимал. Ну не сошлись вы характером, должен же я был это уладить, так что не фырчи. Внесем поправку в контракт, подумаешь. Ты просто не будешь приходить на работу. Что в этом такого ужасного? Сиди себе дома, присылай сюда работников и деньги получай. Она ничего не узнает. Ты счастлив, я счастлив, она счастлива. Я знаю, что обещал тебе место в офисе, ну не вышло, что ж теперь. Она тебя не переваривает. Зарплата тебе будет идти, а в конце года, возможно, и премию отхватишь, лады? Со временем все утрясется. Поверь мне.

Капелло чувствовал горькое разочарование. Это был его шанс, может быть, единственный, попасть на большое телевидение. Никто кроме Уоллеса не нанял бы его, и тут благодаря этой блондинке он оказался там, откуда начал. Ничего от него не надо, кроме оплачиваемой информации, которую он должен собирать, сидя в дрянном гостиничном номере. Личный кабинет, титул продюсера – все из-за какой-то зазнавшейся сучки, которая ставит себя выше других, полетело в тартарары. Чтоб ей пусто было.

Бросая в коробку вещи, всего несколько дней назад принесенные в кабинет, он кое-как успокоил себя цитатой, хранившейся в ящике стола: **МЕСТЬ – ЭТО БЛЮДО, КОТОРОЕ ЛУЧШЕ ВСЕГО ПОДАВАТЬ ХОЛОДНЫМ.**

Ничего, жизнь – долгая история.

Мой герой

Нью-Йорк

1973

Через две недели после интервью с Гамильтонами Дена и почти весь состав работников телевидения, включая Айру Уоллеса, пришли на устроенный Сердечным фондом обед в «Уолдорф-Астория». Человеком года был признан Говард Кингсли, мэтр новостного телевидения и один из последних по-настоящему великих дикторов Америки. Его представили как человека, чьи лицо и голос были для страны опорой в любом кризисе в последние тридцать лет, – человека, который всегда утешит, убедит, что все в порядке, или разделит со всеми печаль. Для Дены и правда его лицо и голос казались настолько знакомыми, будто она знала его всю жизнь.

Сейчас, в свои шестьдесят четыре, Кингсли был еще красив, вдумчив, спокоен и прекрасно говорил. Его ответная речь всех очаровала. Он поблагодарил жену за верность, за то, что продержалась рядом с ним сорок лет в богатстве и бедности (в основном в богатстве), и сказал, что без нее он, вероятней всего, продавал бы сейчас страховки в Де-Мойне, штат Айова. Что жена и их дочь Анна всегда были его «надежной гаванью в бушующем море телевидения». За эту короткую речь ему пять минут аплодировали стоя, и даже Дена, умудренный, по ее собственному мнению, профессионал, была безмерно счастлива находиться с ним в одном зале. Во время обеда она попыталась объяснить себе, что же так отличает Кингсли от большинства остальных работников телевидения, с которыми она была знакома. Потом до нее дошло: честность, вот что. Не то чтобы он говорил или делал нечто особенное, просто, слушая его, ты понимал, что он прямой и порядочный человек, который наверняка говорит тебе правду. Он ничем не отличался от других, но в телемире честность постепенно становилась раритетом, все больше напоминая свет во мраке. Дена смотрела на его жену и дочь и чувствовала то, что всегда чувствовала, глядя на отца с дочерью, – грусть, смешанную с завистью. Своего отца она видела только на фотографии. Она завидовала даже дочурке Айры Уоллеса. Он мог быть презреннейшим из презренных, но дочку свою обожал.

После обеда, выходя, Джей-Си сказал:

– Кстати, у нас приглашение на прием к Кингсли, это наверно.

– Какой прием?

– Небольшой прием для узкого круга друзей, который устраивает Джанет Рокфеллер.

Джей-Си был в числе основателей фонда и много кого знал.

Идти туда Дене не хотелось.

– Но почему?

– Я там никого не знаю. Мы с ним не друзья, подумает еще, что я напрашиваюсь.

– Да ну, брось. Я друг Джанет. Пошли.

– Иди, я тебя здесь подожду.

Но Джей-Си отказов не принимал, и через пять минут Дена обнаружила себя в номере люкс наверху, на вечеринке для директоров всех трех телекомпаний, включая Джулиана Амзли, человека, стоящего во главе их телекомпаний. Она была в ужасе, когда он встретился с ней взглядом. О боже, подумала Дена, теперь он будет считать, будто я прихожу на вечеринки незваной, но Амзли кивнул ей с явным удовольствием. Спустя тридцать минут, которые Дена провела, пытаясь слиться со стеной, она увидела, что Джанет Рокфеллер зовет всех, дабы представить почетному гостю. Теперь Дена вместе с Джей-Си оказалась в очереди и хотела одного – провалиться сквозь землю. Говард Кингсли приближался, пожимая каждому руку и произнося несколько слов, и, когда Дену наконец представили, она чуть не присела в реверансе. Но как-то ей все же удалось сохранить видимость спокойствия и сказать:

– Поздравляю, сэр, мне очень понравилась ваша речь.

Говард взглянул на нее с легкой усмешкой и кивнул:

– Большое спасибо, юная леди.

Она хотела отойти, но он добавил:

– Кстати, мисс Нордстром, я видел интервью с Гамильтонами. Хорошая работа. Давайте как-нибудь пообедаем.

Дена выдавила «Спасибо», и тут хозяйка подвела следующего гостя.

Она не ослышалась? Он в самом деле сказал: «Хорошая работа, давайте пообедаем» – или это была галлюцинация? Может, она неверно поняла, может, он, наоборот, сказал: «Отвратная работа, давайте побеседуем»? Джей-Си стоял сзади, и Дена схватила его за руку.

– Ты слышал, как он сказал: «Давайте пообедаем»?

– Да.

– Уверен?

– Да. Я же был рядом.

– О боже... как думаешь, чего он хочет?

Джей-Си засмеялся:

– А ты как думаешь? Хочет сказать, что ты самая восхитительная и самая талантливая женщина в Нью-Йорке.

– Не говори глупостей. Он правда сказал: «Хорошая работа»?

– Да.

– Как думаешь, что это значит?

– Это значит, он считает, что ты сделала хорошую работу.

– И он это действительно сказал?

– Да, Дена. Мне что, диктофон с собой носить, чтобы записывать сказанные в твою честь комплименты?

– Нет, просто кто бы мог подумать, что такой человек будет меня смотреть. Я же просто ведущая каких-то глупых интервью, призванных заполнить пробелы в эфире.

Уже в такси Дена сказала:

– Послушай, давай не пойдем домой, я слишком возбуждена. Поехали в «Сарди».

Пока машина мчалась через весь город, Дена не умолкала.

– До сих пор не могу поверить. Знаешь, Джей-Си, я тебе не говорила, но он всегда был моим героем.

– Говорила.

– Правда? Попасть на такой обед в его честь – уже счастье, а уж познакомиться с ним лично...

Джей-Си хмыкнул. Ему нравилось наблюдать за ее радостью.

– Не смейся, Джей-Си, ничего смешного. Разве у тебя никогда не было предмета обожания, на которого ты хотел быть похожим?

– Был. Хью Хефнер¹⁵.

– Да ну тебя. Ну правда, скажи, разве ты не удивился, что он мне столько внимания уделил?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я заранее знал, что он хочет с тобой познакомиться.

– Как это?

– Он просматривал список приглашенных. И сказал, что тебя особенно хочет видеть.

Дена взвизгнула.

¹⁵ Хью Марстон Хефнер (1926–2017) – основатель и шеф-редактор журнала *Playboy*.

– Джей-Си, я тебя задушу! Почему же ты ничего не сказал? Я из-за тебя вела себя как последняя дура. Могла бы заранее придумать, что сказать, порепетировать, вместо этого «Поздравляю, мне понравилась ваша речь». Курица! Почему ты меня не предупредил?

– Потому что скажи я тебе заранее, тебя бы от волнения вырвало ему на костюм.

– Что он сказал? Он сказал, что хочет меня видеть?

– Нет, он сказал: «Я буду *рад* с ней познакомиться». – Джей-Си, я сейчас не шучу. Повтори все точно, слово в слово. Не выдумывай.

– Дена, когда он увидел твое имя в числе предполагаемых гостей, он сказал Джанет, цитирую: «Да, я буду рад с ней познакомиться».

Позже, в баре «Сарди», после четырех бренди (впрочем, выпила она меньше, поскольку два пролила на платье), Дена спросила:

– Интересно, а что же он имел в виду под словом *рад*?

Придя домой, она выкинула платье в мусорную корзину. Платье дорогое, но Дене было плевать, она до сих пор была на седьмом небе. Жаль, что некому позвонить, рассказать. Как всегда, в самые счастливые моменты жизни ей больше всего не хватало мамы.

Давайте пообедаем

Нью-Йорк

1973

Дена чудом удержалась, чтобы не разболтать на работе, что произошло, когда она встретила с Говардом Кингсли, и теперь была этому рада. Прошло две недели, а от него ни слуху ни духу.

Может, он забыл, а может, раздавал предложения «Давайте пообедаем» направо и налево? Почему бы и нет, собственно, ведь она сама по десять раз в день говорит людям «Давайте как-нибудь пообедаем», вовсе не собираясь ничего подобного делать, если, конечно, от этого не будет прямой выгоды. Какая же она была дура, самовлюбленная дура, чтобы решить, будто он в самом деле станет тратить на нее время. Она же никто, очередная девица, которая, не имея ни таланта, ни опыта, пытается втиснуться в большое телевидение.

Зазвонил телефон.

– Мисс Нордстром?

– Да?

– Это Говард Кингсли. Звоню узнать, свободны ли вы в четверг, чтобы со мной пообедать?

– Э-э... ага... четверг. Давайте поглядим... – Она притворилась, будто сверяется с ежедневником, листает воображаемые страницы. – Поглядим, четверг, четверг... – И вдруг прекратила этот фарс. – Ой, да кого я пытаюсь обмануть, конечно, я свободна, мистер Кингсли, и буду счастлива составить вам компанию.

Кингсли засмеялся:

– Вот и отлично. Обычно я обедаю в «Карлайле». Там тихо и кормят хорошо. Вам подходит?

– Ну конечно.

– Что ж, тогда в четверг, скажем, в двенадцать тридцать?

– Отлично, буду.

– Хорошо, договорились.

– Да, сэр.

Дена положила трубку и сморщилась. Почему она сказала «Да, сэр»? «Он подумает, что я идиотка. Помни, он просто человек, из плоти и крови, как и все остальные». Принимая аспирин, она заметила, что ладони влажные. Она не знала, зачем глотает таблетку, действовала на автомате. Потом подумала, что все же стоит проверить, не занят ли у нее четверг. Как будто ради такого случая она не отказала бы кому угодно, хоть королеве Англии или Полу Ньюману. Ей, конечно, страшно не хотелось бы отказывать Полу Ньюману, но, слава тебе господи, такого выбора делать не пришлось. Четверг был совершенно свободен.

Наконец, спустя каких-то восемь лет, – по крайней мере, ей казалось, что прошло не меньше, – наступил четверг, и всю дорогу до «Карлайла» Дена разговаривала сама с собой. «Ты работаешь на телевидении почти семь лет, ты не соплюшка какая-нибудь, ты взрослая женщина. Он тебя не укусит. Если будешь нервничать, он тоже занервничает. Выглядишь прекрасно. Во рту у тебя мятная конфета, ты замечательно пахнешь, у тебя ни прыщиков, ни пятнышек. Ногти чистые, пить ты не будешь, если, конечно, он не станет, тогда закажешь «Кровавую Мэри»... Нет, а то будешь пахнуть томатом. Что ж заказать? Что-нибудь легкое, но не скучное». Пока она решала, такси дернулось и остановилось. Приехали. Дена дала водителю чаевые, дожевала конфету, вдохнула побольше воздуха и вошла. Метрдотель сразу ее признал.

– Здравствуйте, мисс Нордстром, мистер Кингсли ждет вас. Сюда, пожалуйста.

Он провел ее через весь зал в дальний угол. Здесь было полно деловых женщин и бизнесменов, все как один подняли на нее глаза, но старались в открытую не пялиться на шикарную длинноногую блондинку. Все, кроме шести латиносов, не пытавшихся изображать утонченность. Они дружно повернулись и уставились на нее.

Мистер Кингсли поднялся и протянул Дене руку:

– Рад, что вам удалось выкроить время. Вы, должно быть, весьма занятая леди.

– Спасибо, – сказала Дена. – Польщена, но, поверьте, я отнюдь не такая занятая, как может показаться.

Он улыбнулся:

– Радуйтесь, коли так, этому скоро наступит конец. Можно заказать вам выпить?

Она глянула, пьет ли он сам. Пьет. Она сказала как можно небрежнее:

– Конечно. Я тоже буду мартини.

– Отлично. – Он подозвал официанта: – Джейсон, принеси мисс Нордстром то же, что и мне. – Затем повернулся к ней: – Надо сказать, все мужчины ревнуют, а все женщины шушукаются, оттого что за моим столиком столь красивая юная леди. Всякий раз, как я вожу дочь обедать, происходит то же самое, и мне это, честно говоря, нравится.

Дена расслабилась: можно не волноваться, он не ищет любовных приключений. Как хорошо, что он дал ей это понять в столь изящной форме.

– Мистер Кингсли, я видела вашу дочь на обеде, она красавица.

– Спасибо. Нам повезло, что она не пошла в меня, а унаследовала красоту матери.

Официант принес коктейль, и Дена успела сделать большой глоток, прежде чем поняла, что мартини смешан с джином. Но продолжила мило улыбаться, чтобы он не заметил, что у нее слезы выступили на глазах. Она всегда была немного близорука, но стоило выпить глоток спиртного – могла углядеть, что написано маленькими буквами в меню на другом конце зала. Кингсли спросил, с чего началась ее карьера, где она работала до Нью-Йорка. Дена изложила краткую версию долгой истории. Они заказали еду, а после обеда Кингсли попросил принести кофе.

– Кажется, я уже говорил о вашем интервью с Гамильтонами.

– Да, говорили.

Он смотрел прямо перед собой. Затем откашлялся.

– Насколько я понимаю, вы пошли своим путем, делая это интервью... Разошлись в интересах с телевидением, так сказать.

Дена запаниковала. Откуда он узнал?

– Ну, я... Чарльз и Пэгги – мои друзья.

– А-а... Вы, разумеется, понимаете, что могли потерять работу, выделявая такие трюки.

– Я знаю.

– Это был глупый поступок, учитывая, что ваша карьера только начинается.

У Дены упало сердце. Она почувствовала себя на десять лет старше.

– Да, наверное.

– Но я лично подумал, что это чертовски порядочный поступок.

– Правда? В смысле, вы серьезно так думаете?

Он улыбнулся:

– Да.

– Ох, спасибо вам. Но если честно, не знаю, так ли уж это было порядочно. По-моему, я просто пыталась спасти свою шкуру, не потеряв при этом работу.

– Может, вы и пытались шкуру спасти, но заодно приобрели хорошую репутацию, пойдя на большой риск ради спасения других. На это непросто решиться. Я и сам попадал в подобные ситуации. Каковы бы ни были настоящие причины, ваш инстинкт сработал. Вы сделали выбор, и он оказался верным.

– Вообще-то босс был ужасно зол на меня. Я думала, он меня уволит. Он, как бы это сказать... довольно крут нравом.

– Айра Уоллес?

– Да. Вы его знаете?

Кингсли кивнул и сказал устало:

– Да уж, знаю.

Потом откинулся на спинку стула. Казалось, он что-то решал.

– Знаете, мисс Нордстром, вы мне нравитесь, мне нравится то, что я перед собой вижу. У вас есть стиль, благородство, у вас есть класс. Вы как раз то, что им нужно. Но, честное слово, мне неизмеримо жаль, что вы достались этим негодьям. – Он поморщился. – Но раз уж такое случилось, мой вам совет – постарайтесь выжать из них по максимуму, поскольку они будут пытаться высосать из вас всю душу. Вы честно предупредили моих друзей, и я честно предупреждаю вас. Думаете, интервью Гамильтонов – это серьезная проблема? Это ерунда, цветочки, ягодки будут впереди, я это нутром чую, чую запах, и меня от него тошнит. – Он посмотрел прямо ей в глаза: – Не поймите меня превратно, я верю в свободу прессы. Мы для того и здесь – донести до народа всю правду. Но как только в бизнес приходят такие, как Уоллес, они начинают тащить в дом грязь, с каждым днем я замечаю все больше этой грязи. Им не новости нужны, им нужен зритель, рейтинг, и ради этого все средства хороши. Но я уверен, что вы это и так понимаете.

– Да, – сказала Дена. – Понимаю.

– Я освещал три войны и видел много убийств. Но эта новая армия захватчиков состоит из самых хладнокровных, самых злобных негодяев, каких мне доводилось видеть, и признаюсь откровенно: я боюсь их до смерти. Попомните мои слова, они постараются как можно скорее избавиться от нас, от старой гвардии, и заменить нас молодыми людьми и девушками вроде вас, чтобы было кому делать за них грязную работу. Чтобы пичкать всех своим мусором и объедками, а самим сидеть за закрытыми дверьми кабинетов и зарабатывать миллионы, смеясь над нами, пока страна разваливается на куски!

Голос Кингсли становился все громче, люди в ресторане начали оглядываться. Заметив это, он смутился и мягко сказал:

– Простите, сам не знаю, зачем обрушил на вас свои напыщенные речи. Черт, наверное, я просто превратился в старого глупого брюзгу, раз думаю, что все так плохо.

– Мистер Кингсли, не возводите на себя напраслину. Вы не старый и не глупый и имеете все основания расстраиваться.

Кингсли поймал взгляд официанта, попросил жестом счет и засмеялся.

– Прошу, называйте меня Говардом. Знаете, жена считает, что я должен уйти на пенсию. Может, и должен, но я не хочу отдавать эту телекомпанию и эту страну негодьям. Нет, еще не время. Конечно, они их получают рано или поздно, но до тех пор кто-то должен напоминать людям, что не все мы становимся такими подлецами, в которых нас пытаются превратить.

– Есть еще одна серьезная причина, по которой вам никак нельзя уволиться. Вы нам нужны. Меня они точно не станут слушать.

Он улыбнулся, подписывая чек.

– Мисс Нордстром, наверное, я пытался вам вот что сказать: старайтесь не дать им собою воспользоваться. Спротивляйтесь, когда это будет в ваших силах. – Он помолчал. – И немедленно звоните мне, если понадобится.

– Хорошо. И называйте меня, пожалуйста, Деной.

Когда они шли к выходу, она сказала:

– Знаете, я так благодарна вам за этот разговор. Если честно, не думаю, что мне предложат новый контракт. У меня вряд ли есть то, что им требуется.

Говард открыл стеклянную дверь на улицу.

– О, не переживайте, контракт вы получите. Джулиан Амзли достаточно умен, уж он вас не упустит.

Дена озадаченно смотрела на него. Он засмеялся:

– Нет, я не псих. Я каждую пятницу играю с Амзли в покер, а он любитель поболтать.

Остановившаяся для Дены такси, Кингсли спросил:

– Кстати, а вы часом не любитель пройтись под парусом?

– Под парусом? О да, любитель. – И снова поймала себя на вранье: – Точнее, я бы с удовольствием попробовала.

– Хорошо, как погода наладится, мы вам позвоним. У нас небольшой домик в Саг-Харбор. Может, вытянем вас на выходные.

Подъехала машина, и он помог Дене сесть.

– Постойте. Насчет контракта. У них есть ставка на двести тысяч в год. Не позволяйте своему агенту соглашаться на меньшее. Они вам не говорят, но ваш рейтинг популярности уже проломил крышу. Они вам предложат двести. Просите четыреста и соглашайтесь на триста. Амзли трус, и, услышав, что мы с вами обедали, он испугается по меньшей мере тысяч на сто.

Он закрыл дверцу и вручил водителю десятидолларовую купюру:

– Отвезите юную особу куда ей заблагорассудится, хорошо? И осторожно, это ценный груз.

Водитель блеснул зубами:

– Да, сэр, мистер Кингсли.

Когда машина отъехала, шофер воскликнул:

– Говард Кингсли, ух ты, будь я проклят. – Он взглянул на нее в зеркало заднего вида. – На прошлой неделе я возил Полли Берген из «Какая у меня строчка?».

– Правда?

– Ага. А у вас знакомое лицо, может, вы тоже кто-то?

– Нет, я просто друг мистера Кингсли.

Водитель покачал головой:

– Хорошо таких друзей иметь.

– Вы правы.

Дена размышляла о проведенном вечере. Она до сих пор с трудом верила, что обедала с Говардом Кингсли, что он с ней разговаривал и проявил настоящую заботу. Она так радовалась, что Говард с одобрением отнесся к ее поступку. Но положила руку на сердце, готова ли была она уловиться по-настоящему?

Дена не была в этом уверена. Она вообще никогда ни в чем не была до конца уверена. Единственное она знала наверняка: на сей раз ей повезло.

Неделю спустя позвонил взволнованный Сэнди.

– Угадай! Тебе предлагают новый контракт!

– Ух ты, отлично, Сэнди.

– Я знал, что у нас получится. погоди, сейчас ты услышишь еще кое-что – мне пришлось чертовски потрудиться, но я уломал их на двести тысяч в год. Даже не хочу говорить, с чего они начали. Правда, здорово?

– Сэнди, скажи им, что меньше чем за четыреста я не соглашусь.

В трубке надолго повисло молчание.

– Ты таки пытаешься убить меня, да?

Через две недели измотанный в боях Сэнди позвонил:

– Все, что мне удалось выбить, – это триста.

– Хорошо, – сказала Дена. – Я согласна.

– Богом клянусь, Дена, если я умру от инфаркта, Би с детьми переедут жить к тебе.

Вызывает Сельма

Нью-Йорк

1973

Дена сидела в редакторском кабинете, работала над интервью с Беллой Абзуг, когда позвонила секретарша и сообщила, что по межгороду звонит некая миссис Сара Джейн Пул.

– Кто это?

– Не знаю, но она говорит, это срочно.

– Пожалуйста, узнай, что ей нужно. Я очень занята. Пяти секунд не прошло, секретарша объявилась опять.

– Она говорит, вы ее знаете, говорит, что она ваша близкая, закадычная подруга. Миссис Сара Джейн Пул.

– О господи. Не имею представления, кто это. Соедини.

На том конце провода раздался взволнованный женский голос:

– Дена?

– Да. Это Дена Нордстром.

– Это я!

– Кто?

– Только не говори, что ты напрочь забыла свою соседку по комнате, институтскую соседку. Сара Джейн Симмонс Кракенбери из Сельмы, штат Алабама!

– Сюки?

– Да!

– Боже ты мой, что же ты сразу не сказала, что это ты? Разве я могла тебя забыть, бес-тоloch! Как ты?

– Отлично!

– Ты все еще ведешь свою гражданскую войну? Сюки взвизгнула от смеха.

– Ну конечно, дорогуша, ты ж меня знаешь – «смерти – нет»!

– Как Эрл?

– Он-то нормально. Но я на тебя сержусь.

– На меня? Почему?

– Почему? Моя мачеха прочла в газете, что ты едешь в Атланту получить какую-то большую награду, а ты даже не позвонила мне!

Дена не сразу поняла, о чем она.

– Награду? А-а, ты имеешь в виду AWRT?¹⁶

– Да. Почему ты мне не сказала? Я хочу тебя увидеть!

– Я думала, ты до сих пор живешь в Алабаме.

– Ну да, дурочка, но я не позволю тебе, находясь так близко, улизнуть от встречи со мной.

– А ты далеко?

Сюки засмеялась:

– Дена, я понимаю, тебе кажется, что я живу в забытой богом дыре, но у нас тут даже дороги имеются, представляешь. Я всего в паре часов езды от Атланты. Я могла бы подъехать и забрать тебя на пару дней, вспомним прежние деньки. Мы с Эрлом будем счастливы тебя принять. Тыщу лет же не виделись.

– Сюки, это было бы замечательно. Но к сожалению, я еду туда всего на одну ночь, только на званый ужин.

¹⁶ AWRT (*American Women in Radio and Television*) – Американские женщины на радио и телевидении. Организация, поддерживающая женщин, профессионально работающих на радио, телевидении и в других СМИ.

– Что, даже на денек не можешь остаться?
– Нет, правда, никак. Мне нужно сразу вернуться.
– Совсем не получится увидеться? Может, до ужина или после?
– Я туда приеду прямо к ужину, такие застолья обычно длятся часами. Я, может, в час ночи только освобожусь.

– Ну, тогда на следующий день?
– На следующий день я улетаю на самолете.
– Во сколько?
– Не помню даже, в девять или в десять, что-то такое.
– Все равно приеду. Даже если встретимся всего на пять минут. Я тебя знаю, Дена Нордстром: если я не сяду тебе на хвост, пока ты здесь, кто знает, когда я тебя снова увижу. Так что улизнуть тебе не удастся. Мы можем, по крайней мере, позавтракать вместе или выпить по чашке кофе, если иначе тебя не заполучить.

Дена не знала, что еще придумать.

– Ну... я, скорей всего, буду так вымотана и...

Сьюки прервала ее попытки:

– Ничего, не помрешь, если пожертвуешь старинной подруге часок-другой сна. Доспишь в самолете. Мы с тобой слишком быстро превращаемся в старых хрычовок, чтобы упускать такую возможность.

Дена поневоле засмеялась.

– Знаешь, всем богатым знаменитостям приходится как-то ладить с простыми людьми, от которых им никуда не деться, вот и тебе придется всю жизнь со мной мириться. Это твой крест, дорогуша. Плата за то, чтобы быть звездой. К тому же можешь и на более поздний рейс взять билет.

– Я бы с удовольствием, но не выйдет. В пять вечера у меня тут запись.

– Ладно, но учти, я все равно приеду. Хочу лично убедиться, что ты существуешь. И вообще, ты что, совсем по мне не соскучилась? Наверняка ведь изнываешь от желания поглядеть, в какую я превратилась старую развалину.

Дена сдалась:

– Ясно. Ответ «нет» не принимается.

– Вот-вот. Теперь говори, где ты остановишься.

– Хорошо, но я сейчас не у себя в кабинете, не могу узнать, куда меня поселят. Я позвоню тебе и скажу, где и когда.

– Смотри позвони, учти, ты с моего крючка не сорвешься. Я не собираюсь прекращать с тобой дружбу, нравится тебе это или нет, Дена Нордстром!

– Хорошо. Сьюки...

– Что?

– Ты так и осталась самой глупой девчонкой на свете.

Сьюки расхохоталась.

– Ну, по крайней мере, это уже что-то.

Повесив трубку, Дена продолжала улыбаться. Из всех девчонок в институте Сьюки была ее ближайшей подругой, так что, может, это будет не так уж и плохо. А глядишь, даже и весело.

Прежние деньки

Атланта, штат Джорджия

1973

После речи на торжественном ужине Дена не могла уснуть до трех часов ночи. Когда на следующее утро зазвонил будильник, ей пришлось чуть не за волосы вытаскивать себя из постели. Неделю назад казалось – подумаешь, встать пораньше, а на деле – суший кошмар. Черт ее дернул согласиться на завтрак со Сьюки. Под душем она надеялась только на то, что не придется много говорить, Сьюки наверняка возьмет на себя труд общения. Надев свитер и брюки, она прихватила плащ и спустилась вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.